

Ольга Яворская

НАДЕЖДА НЕ УМИРАЕТ НИКОГДА

12+

Ольга Яворская

Надежда не умирает никогда

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Яворская О. В.

Надежда не умирает никогда / О. В. Яворская — «ЛитРес: Самиздат», 2010

ISBN 978-5-6041294-8-7

Повесть знакомит нас с историей жизни врача-кардиолога. Книга рассказывает о сложном пути провинциальной девчонки, мечтающей стать врачом. Главная героиня Екатерина доказывает, что в жизни нет ничего невозможного. Она идет к своей цели невзирая на трудности и преграды, с чем ей помогает Господь Бог. Судьба героини Екатерины Бондарь тесно переплетается с биографией автора книги. В оформлении обложки использована иллюстрация члена Союза Художников - Валь Н.В., выполненная по индивидуальному заказу в 2010 году. Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви ИС Р18-801-0020. ISBN: 978-5-6041294-8-7

ISBN 978-5-6041294-8-7

© Яворская О. В., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

I

Она была его с неистовством, со злобой и огнем в глазах – насмерть! Парнишка не на шутку испугался, он не ожидал такого отпора от девчонки, да, еще и новенькой в его подготовительной группе детского сада, в котором ему уже давно было все знакомо. И даже в свои шесть лет он знал, кто на что способен среди его сверстников. И взрослых воспринимал не с таким боязливым уважением, видя их бесконечные недостатки и вранье, а также желание поскорее избавиться от его назойливых вопросов. А еще эта ненормальная! Он только хотел посмотреть, настоящий северный песец на воротнике ее пальтишка или нет. Совсем небольшой клочок вырвал! Ну, такая задавала, дочь военного, приехала с Севера!!!

В их маленьком захолустном городке только и интересов, что воинская часть с солдатами и настоящими офицерами в военной форме с погонами! Но вход туда закрыт – часть секретная, только по пропускам. А где ж ему и его родителям, коренным рабочим завода специального сельхозоборудования, попасть туда. Поэтому хоть так, посмотреть издали. Да еще и услышать какой-нибудь разговор дяди военного, забирающего свое чадо из его детского сада.

А девка-то толстая да сильная, сразу и не отшвырнешь.

– Да ладно, Катька, отвали! А то щас разозлюсь да так вдарю, что забудешь, кто и откуда!

– Я те вдарю, – шипела красная огнедышащая Катька. У нее пересохло во рту, она тяжело дышала, уже давно устала от потасовки, но злость не унималась, да и силы еще хватало, чтобы добить. Она, единственная среди всех детей этого маленького городка, в свои шесть лет имела пальто с настоящим мехом – стареньким песцом, сшитым заботливой мамой из своего поношенного пальто. Но привезли ее с Севера, с самого Диксона – там холодно. Детских садов не было. И они со своим младшим братишкой Вовкой сидели постоянно в теплом доме, который снаружи был почти полностью засыпан снегом. Плохо она помнит этот ледниковый период своей жизни. Только воспоминания мамы будоражили ее воображение, когда, хватаясь за сердце, она рассказывала своим новым соседям чудовищные истории о том, как дважды чуть не погибла ее малолетняя дочь, то есть Катька. Однажды летела вниз с ледокола в Северном Ледовитом океане, и была вовремя поймана за парящую над водой ногу своим же папой. И в другой раз, в грудничковом периоде, «гуляя» во дворе в коляске и громко – то ли чавкая, то ли вопя о чем-то своем, заинтересовала проходящего мимо по своим делам белого полярного медведя. По утверждению мамы, медведь заглянул в коляску и наклонился над ней, но чем-то Катька ему сразу не понравилась, и он даже не захотел подольше подумать, зачем бы она ему могла пригодиться, фыркнул и быстро решил удалиться. И вот этот-то случай, – думала Катька в конце маминого рассказа, наверное, и стал решающим в ее жизни. Даже голодный медведь не захотел с ней связываться.

II

Очень рано стал проявляться дурной характер Катьки. Она не терпела обид, никогда никого не боялась, была, как говорила мама, сама себе на уме и очень тяжелым своенравным ребенком, не поддающимся никакому воспитанию, как другие благочестивые детки. Катька не понимала, почему она тяжелый ребенок, но очень быстро привыкла к тому, что ее брат Вовка, по восторженным восклицаниям взрослых, был лучше ее во всем. И даже заучила предсказание мамы и бабушки, что ей будет очень трудно, если вся ее дурь с ней останется в дальнейшей ее жизни. Какая дурь? Почему все окружающие ее видят, а, она – Катька, та, кому принадлежит эта дурь по полному праву, ее не чувствует и не видит в себе? И что это такое – эта «дурь»? Да, она не похожа на других детей, которые, как ей казалось, бестолково тратят время на глупости, создают для себя какие-то кумиры и авторитеты и подражают им. Те дети, с которыми она встретилась в новой для нее обстановке, жили как-то беспечно, что ли. А Катька всегда была уверена в том, что у каждого, даже маленького человека должна быть цель, к которой нужно готовить себя с детства. А правильно ли думать так в шесть лет, она не знала. А если больше

ни о чем не думается? Катька хотела быть врачом. И спроси ее, когда она захотела им стать, она никогда не ответит на этот вопрос, потому что врачом она хотела быть ВСЕГДА.

– Привезли новые игрушки! Ура! – орали во всю свою голосовую мощь дети. Воспитатели быстро уложили всех спать, чтобы в спокойной атмосфере разобрать все то, что досталось для их группы. На дворе застыл 1971 год во всем его великолепии. Покой, умиротворенность, сплошной дефицит во всем. Всеобщая неосведомленность о том, что есть какая-то другая жизнь (конечно, за пределами их родины), которая отличается от их жизни. Та, про которую никто не знал... Но! Каждый гражданин был уверен в том, что он имеет на сегодня в этой великой стране, называющей себя торжественно – Союз Советских Социалистических Республик, или СССР – все до мелочей, о чем бы только мог мечтать человек, живущий в другой стране.

Дети не спали и исподтишка наблюдали за работой взрослых.

– А это для Катюши, – оживленно сказала Тамара Павловна, доставая из мешка что-то белое. Катя из-под одеяла, прищурясь, пыталась разглядеть, что же взяла в руки ее воспитательница. Когда та развернула сверток, она увидела маленький белый халатик и белую шапочку с красным крестиком посередине, а еще, даже дух захватило, сумочку с настоящим стетоскопом и пластмассовыми шприцами!!! Ух, в маленькой Катькиной груди все перевернулось, и ей так захотелось быть хорошей, покладистой и послушной, чтобы все воспитатели, а не только Тамара Павловна знали, что эта игрушка должна принадлежать только ей, Катьке, и больше никому на свете. И за это она согласна на все, даже съесть морковную запеканку и сказать «спасибо». Все дети поднимались в праздничной лихорадке – так много нового, интересного их ожидало после дневного сна. И только Катя двигалась как во сне, она не верила, что ей сейчас подарят часть ее мечты. Она молча прожевала полдник и с широко раскрытыми глазами и замиранием в сердце ждала, когда же воспитатели допустят их к новым игрушкам.

– Дети, а сейчас мы будем играть в другие игры. Нам прислали новые игрушки, и мы надеемся, что они нам прослужат долго, – сказала Тамара Павловна давно заученную фразу. Все бросились в игровую комнату, а Катька медлила. Она хотела услышать, что есть что-то нечто для нее лично, но услышала то, чему не могла поверить: «А еще нам прислали детскую рабочую форму медицинского работника! Ответственность за ее сохранность мы возлагаем на ... Бондарь Катю, но играть в нее могут все желающие!»

Катьку захлестнуло, передавило грудь – не до радости! – «Кто подойдет, прибью», – подумала она про себя, взяла весь врачебный набор и отошла с ним в сторону. Выжидающе посмотрела на сверстников – никому она была не интересна, все были заняты своим счастьем, которое до Катькиного было очень далеко. И она успокоилась

– А теперь все на лечение!!! – орала она уже через пять минут. – Ну, давайте же играть в больницу, кто первый?

Но первых не было, как, впрочем, и вторых. Катька развернула пакет, медленно, с наслаждением надела на себя все, что было в нем, даже шприцы рассовала по карманам. И только тут ее все заметили: хоть халатик и был длинноват, но выглядела она все же величественно. Милая беленькая шапочка закрывала весь лоб, посередине красный вышитый крестик, который подчеркивал всю фигуру и значимость маленького доктора. В больницу захотели играть почти все и наперебой стали госпитализироваться на только что застеленные кровати.

– Доктор, доктор, помогите, мне совсем плохо, – уже через секунду визжала Надька Куприянова, а ее сестра-близняшка Ленка изображала колики в животе, да так достоверно, что не оставалось сомнений в том, что первую медицинскую помощь нужно было оказывать именно ей.

– Ой-е-е-е-еей, – кряхтела она, – Как мне больно! Сейчас умру.

– Секундочку, больная, дайте вас осмотреть. Где болит? – работала Катька.

– Ой, везде, – стонала Ленка, как будто и вправду сейчас умрет, если ей не дать лекарство.

– Тошнит? Отрыжка? Кашель? Понос? – не унималась маленькая докторша.

– Да пошла ты на фиг. Дай мне аскорбинку, и я сразу выздоровлю.

Такого оборота Катька не ожидала. Не проявлять уважение к врачу!!! Экая наглость!

– Я те сейчас как тресну, сразу выздоровишь! Не нужны нашей больнице такие больные, и мест у нас уже больше нет. Давай, пошла отсюда! – проявляла Катька характер рассерженной санитарки.

– Да и не очень-то и надо, – не отступала Ленка. – Когда я буду врачом, я тоже тебя лечить не буду. Вот это заявочки! Когда это она собиралась быть врачом? Ведь врач здесь только один – она, Катька. И больше никто. Она прикусила губу и пошла дальше на помощь другим «страдающим». И откуда это только бралось у нее: сноровка, понимание в какую игру играет, нет однообразия, ко всем разный подход, различное лечение, одному укол, другому компресс, третьему горло замотала, четвертому градусник, пятому аскорбинку и так далее.

– Катя, Катя, да ты оглохла что ли? – в дверях в группу стояла мама. И пациентов как будто убавилось, уже половину разобрали родители. Как быстро пролетело время. А она как будто и не наигралась еще. Ну почему мама так быстро сегодня пришла? Бывает ждешь-ждешь ее – не дождешься, а тут на тебе, как нарочно! Катька подбежала к маме:

– Мамочка, милая, смотри, что у меня есть! Давай попросим, чтобы нам домой дали, а завтра мы принесем!

– Ну что ты, доченька, кто ж нам даст? Воспитатели несут за него материальную ответственность. Я даже просить не буду, завтра придешь и снова будешь играть, – быстро говорила мама, напяливая на взъерошенную дочуру ее любимое пальто с песцом.

– Что – то опять воротника твоего поубавилось, – заметила мама, – скоро останется одна тряпочка.

– Это Лешка-дурак, ну, я ему влепила, как следует, но было поздно. Целый клочок выдрал, гад, – оправдывалась Катька, обдумывая тем временем, что зря это она так на самом видном месте аккуратно сложила врачебную амуницию.

– Мам, я быстро, – и пока воспитатель вышла из игровой, она прямо в сапогах стремглав метнулась к форме, быстро открыла шкаф и засунула ее под книги наверх, куда только могла достать ее маленькая «докторская» ручка.

По дороге домой Катька выпрашивала у матери купить ей такой же халатик и шапочку, а остальное у нее уже все есть.

– Лечить куклу и Мишку есть чем, а в чем – нету, – вздыхала она, – а это не по-настоящему.

– Хорошо, хорошо, – отвечала мама. – Увидим, где продается, и сразу купим, – заверяла она, отлично зная о том, что нигде в ближайшее время она эту атрибутику не встретит, так как в магазинах на то удивительное начало семидесятых ничегошеньки и не было из того, чем хотелось порадовать себя и тем более детей. И поэтому переживать по этому поводу особо и не стоило, так как страна незаметно для себя и для всех советских тружеников медленно переходила в эпоху так называемого застоя. С голоду умереть было невозможно – у народа всегда были деньги на водку, буханку хлеба и завтрак туриста. И еще оставались деньги, только тратить их было не на что, так как в Москву, где было абсолютно все, но в очередях, не наездишься, потому что здоровья особо не хватало.

Катька вместе с братом Вовкой и мамой приехали с далекого Севера. Папа был военным, но дети его как-то запомнили плохо. На Севере он был постоянно на службе, а здесь его не было с ними совсем. А где он пропадал, об этом не знала даже мама. По разговорам взрослых Катя и Володя слышали, что он «гулял», а где так долго можно «гулять», да еще и не ночевать – это было для них странно. Наверное, там, где он «гулял», было очень интересно, и ему не

хотелось прерываться даже на денек. Вся жизнь кружилась вокруг мамы и новых соседей в коммунальной квартире.

В этой квартире кроме них в маленьких до размера большого шкафа комнатных жили еще две семьи. Муж и жена – тетя Валя и дядя Саша – добрая женщина и хронический пьяница. Они проживали через стенку в продолговатом «шкафу» почти тихо, но в привычку соседей вошло, что тетя Валя пряталась от разъяренного, «тихого» мужа в их комнате вместе с целым баком браги, заботливо приготовленной ею же для него же. Как-то раз ядреный компотик привлек внимание любопытных Катьки и Вовки, которые попробовали сладкую разноцветную жидкость. Рано пришедшая с работы мама обнаружила своих малолетних чад с покрасневшими щеками в веселом подпитии. В ту же минуту спасательные операции прекратились, и тетя Валя вместе с полным резервным баком была отправлена к обрадованному дяде Саше.

Напротив – в квадратном «шкафу» жила семья из четырех человек: дядя Коля, тетя Надя и два оболтус-сына с пятилетней разницей в возрасте. Сыновья постоянно искали друг с другом встречи на нейтральной территории – коридор, ванная, кухня, где выясняли свои «братские» отношения в то время, когда дядя Коля и тетя Надя свои семейные. Жили не дружно, но не громко. Соседские отношения, опять-таки, не сложились, потому что тетя Надя всегда напоминала красавице-маме о где-то гуляющем папе. Так жили все в этом доме. Детей было много, почти все ровесники, целый день на улице – жилось интересно. Телевизор был не в почтении у ребят – мультики только по воскресеньям, да и то по полчаса. Ну, а о детских передачах в будние дни даже самый внимательный не вспомнит – их в золотое социалистическое время просто не было.

А время не шло, не бежало – оно летело, взбалмошно, хаотично, сменяя одно событие за другим. Смертельная болезнь мамы, инвалидность после болезни, развод ее с отцом, безденежье, сырая коммуналка, ссоры с соседями – все то, что на детский разум действует еще не глубоко, но формирует соответствующее поведение: никому не мешать, лишний раз не показываться на глаза и оберегать, беречь, заботиться о маме. Никого из родных вокруг, только еще один брат Игорь, который был порядком старше Катьки и Вовки и которого они очень любили и гордились им. Он учился в военном училище в областном центре в ста с лишним километрах от них. Брат был всегда весел, разговорчив, артистичен, но приезжал редко. Поэтому они всегда ждали его и берегли воспоминания после его коротких каникул.

– Дети, построились, быстренько, не отвлекайтесь! Надя, тебе на верхний ряд, а то никто тебя не увидит. Так, молодцы! – руководила Тамара Павловна двадцатью ошалевшими от внимания и счастья выпускниками детского сада 1972 года, с усилием выстраивая их на общую фотографию. Тощий беззубый Алешка Клюшкин, который неравнодушно одергивал и дразнил Катю, непременно хотел стоять рядом с ней на фотографии. Щелк, и вот они, эти маленькие почти первоклашки, выпускались из своего раннего детства в новую, ответственную и неизвестную жизнь. Сияя от радости, прижимая к груди новенькие портфельчики со всякой нужной для школы «всячиной» внутри. Последний утренник, последние радостные слезы и то, что забыть невозможно никогда на свете.

– Катюша Бондарь, а для тебя, как человека уже определившегося в этой жизни, мы приготовили особый подарок, – сказала торжественно Тамара Павловна. И, на удивление всем, вынесла пакет с белым содержимым. Катька не верила своим глазам, не может быть!!!

Тамара Павловна развернула халатик, достала шапочку, стетоскоп и надела все это на обалдевшую от неожиданности Катьку. Радость и удивление застыли на ее лице, и больше ни слова.

– Ну, смотри, не подведи. Мы в будущем все твои пациенты. Будем лечиться только у тебя, поэтому не отступай от своей мечты.

Она и сама не подозревала о том, что эти слова станут вещими. Не пройдет и двадцати лет, как она, тяжело больная, попадет именно в Катины руки.

III

– Ну, все как всегда! И почему только со мной это происходит? – ревела Катька, сидя за партой в новенькой школьной форме, зло поглядывая на маму, стоявшую в дверях класса.

«Все дети, как дети. У них все есть – и тетради, и ручки. А у нее не хватает каких-то «косых» тетрадок или линеек в тетрадке. Вечно эта мама что-нибудь забудет, не проверит. Ну, как так жить, когда она опять хуже всех!». Слезы скатывались сами собой, остановить их было невозможно, она закрывалась рукавом, злилась на себя и даже не заметила, как убегала взволнованная мама и уже к середине урока эти недостающие тетрадки лежали у нее на парте, но радости не было все равно. Вот так начался первый школьный день ученицы 1 класса средней школы №1 г. Серого Бондарь Екатерины. Школа была для нее открытием, чем-то важным и значительным в ее жизни, первой ступенькой. И от того, как она пройдет эту ступеньку, зависело очень много в ее дальнейшей судьбе. Катя это понимала остро, с болью в сердце. Да, еще и мама подливала масла в огонь.

– Ты, доченька, должна учиться с большим усилием, если хочешь дойти к своей мечте. Только высшее медицинское образование, – говорила мама, делая акцент на слове «высшее». – Не будешь хорошо учиться, останешься в этом городке на всю жизнь. Ты этого хочешь?

Катьку при этих словах обдавало жаром, ей не хватало дыхания. Она не хотела оставаться здесь на всю жизнь, еще толком не знала, почему, но очень не хотела. Видя, как вокруг живут ее соседи – пьянство, матерщина, конфликты, ссоры, она твердо была уверена, что при первой же возможности сбежит отсюда. Куда? Еще не решила. Но в маленьких Катькиных мечтах она всегда совершала подвиг, спасая раненых или просто больных на Крайнем Севере, ну, или на крайнем Юге, где пекло и жить тяжело, – главное, чтобы в жизни были трудности, а она бы их преодолевала.

Мама долго оправлялась после болезни. Она перенесла операцию по поводу рака груди, очень сильно распухла рука. Катька надевала, подаренный белый халат, шапочку и лечила маму, делая ей массаж руки, но детские ручонки быстро уставали. Рука была огромная, толстая, плотная, и девочка звала на помощь брата. Вместе они ненадолго давали облегчение своей маме, но на следующий день продолжалось то же самое, ведь работы для нее никто не убавлял.

Быстро промчался еще один год. И, о, счастье, лето – каникулы. Как бы там ни случилось между отцом и матерью, еще оставалась бабушка – мать отца. Властная, грозная, справедливая и мудрая бабушка, которая жила в богатой на то время почти «самостийной» Украине.

В те далекие годы у всего советского народа была одна цель – коммунизм. Что это такое никто на то время не знал. Но все ожидали от этого коммунизма, что не будет дефицита продуктов и одежды, что все советские люди, каждый по-своему, будут счастливы и не будет ни очередей, ни забот, ни хлопот – живи, трудись и радуйся. Весь этот коммунизм в Катькиных глазах уже был на Украине. Это был не только отдых для детей, это был настоящий праздник в их жизни, который не прерывался в течение всех трех месяцев каникул. Солнце, жара, река, фрукты, куча друзей, приветливые многочисленные родственники, но... и врагов тоже не мало. Не все сверстники в селе, куда они приезжали к бабушке одинаково относились к ним. Обидное слово «кацап» (так звали приезжающих из России) часто можно было услышать вслед убегающим Катьке и Вовке. Но бабушка неизменно вставала на защиту внуков, а ее боялось и уважало все село. И имя у нее было мужское – Федора, и была она бывшим директором школы, учителем. Не одно поколение ее учеников осталось на то время в богатом колхозе, для всех них Федора была завидным авторитетом.

Катька летела по каменистой дороге босиком, тяжело дыша, не замечая боли. За ней неслась ватага мальчишек, улюлюкая, свистя, надрываясь от воя. Эта была вражда между сель-

скими ребятами и «бондарятами» – так их с братом называли местные пацаны. Их было около десятка человек, они гнали Катьку, как зайца. Она удирала от них с такой скоростью, что ветер свистел в ушах, и догнать пухлую Катьку не смог никто. А вот и спасительные ворота бабушкиного дома. Ей ничего не стоило просто мимолетно перенестись через знакомую калитку и захлопнуть ее на крючок. Пацаны поднеслись к воротам, но дальше не осмелился никто – там жила грозная Федора. Мальчишки, распаленные погоней, не унимались. Они решили под воротами соревноваться друг с другом в изобретательности оскорбительных выражений для «бондарят». Хохот, смех, раздольное веселье торжествовало за забором. Катька сначала вякала с другой стороны, а потом просто разревелась от обиды на них, а больше на саму себя, за то, что так позорно бежала.

– Какой же это стыд, – плача и, вытирая сопли, думала про себя Катька, – что я спасовала перед ними. Теперь так будет всегда? Ну почему я испугалась? Зачем я побежала?

Она уже ненавидела себя за трусость, вспоминая Зою Космодемьянскую, которая бы никогда так, как она не поступила. Это позор, позор для меня.

Тогда она поклялась, что никогда не будет больше никого бояться. Всегда станет защищать слабых, какой бы сильный на них ни напал. Она еще вообразила несколько сцен в своей голове, где она выступает в роли защитника-победителя и вроде бы все сложилось, только пацаны за забором не унимались, а еще больше вошли в раж. И тут Катька заметила неторопливо шагающую к воротам бабушку. Сердце ее замерло. Бабушка не всегда для нее была предсказуемой. Сейчас могла получить по шее именно Катя, за то, что привела эту команду за собой, а сама спряталась за другой стороной забора. Федора медленно подошла к калитке, открыла ее и громовым голосом рявкнула:

– И шо це таке? Шо вас сюды занэсло? Хиба у вас роботы дома нэма?

Детвора притихла, но не угомонилась, и в ответ робко, но настойчиво понесли реплики о том, какие у нее «достойные» внуки. Бабушка хохотала от души. На шум прибежал Вовка, и они за спиной своей бабушки уже не выглядели слабыми и боязливыми, стараясь обидными репликами в адрес вражеских мальчишек хоть как-то реабилитировать свой стыд.

Бабушка, закрывая калитку и продолжая смеяться, сказала напоследок предводителю команды Валерке Михелю:

– Ты ж запомны, Михель, ще зятем моим будэш!

Эта реплика еще больше вывела из себя мальчишек, а заодно и Катьку, которая вся красная стала визжать от негодования и орать со всей дури, что этого не будет никогда. Но как говорится, никогда не говори «никогда». А время посмеялось вместе с Федорой и дальше поскакало вскачь.

IV

Как хорошо в деревне летом! Знаете, кто из классиков это сказал? Вспоминайте! А, ведь он был прав. Здорово до невозможности, до радостного крика, до умопомрачительного восторга! Украина!!! Золотая наша Украина! Находясь зимой в России, Катька и Вовка мечтали вернуться назад. И еще в холодном феврале Катька скрупулезно начинала составлять список вещей, которые надо взять с собой на Украину, в их любимое село, где все привлекало, где было интересно, где была свобода. Только мальчишки с их предводителем Валеркой появлялись ниоткуда, но дело уже не портили, так как Катька дала себе слово больше никого не бояться, а слово она в свои восемь лет уже держать умела. Летом на Украине жарко, одежда была совсем не нужна – маленький сарафанчик сверху и босиком куда хочешь – в школьный двор, во фруктовый колхозный сад, который находился сразу за огородом, на речку. Каждый день бабушка посылала детей за хлебом в магазин. Вот с хлебом Украине не повезло, как раз это-то и было дефицитом. Занимали очереди, ждали хлебную машину по несколько часов, и только две буханки в руки. Необъяснимо, но факт – хлеба Украине не хватало!

Катка торопливо шла в магазин, держа в руках бабушкину сумку, выбирая дорогу, чтобы не распороть босые ноги о камни. Издалека увидела подъехавшую хлебную машину и еще больше заторопилась, но тут окаменела. Валерка вместе со своими пацанами, откуда ни возьмись, неслись прямо на нее на велосипедах, человек пять. Думать было некогда, только в голове пронеслось – не струсить. Она отшвырнула сумку в сторону, быстро одной рукой схватила горсть камней, которые тщательно обходила, другой рукой – палку и даже, не ожидая от себя, кинулась им навстречу. Все происходило за считанные секунды – первый велосипед – палка ровно зашла между спицами в колесо. Всадник

скатился с визгом в ров около дороги, взмах руки, и камни врассыпную полетели в обидчиков. Катка ничего не видела от злости, только слышала ругань, плевки, раздосадованные возгласы – и вдруг никого вокруг не стало. Мальчишки пронеслись мимо как ураган, никто не захотел остановиться. Она оглянулась назад, увидела быстро удалявшихся парней и стояла, оплеванная, разгневанная и жаждущая продолжения схватки. Все бушевало у нее в груди, она знала, что они этого так не оставят и надо ждать еще большего натиска с их стороны. И время не заставило ждать.

Ограничений в передвижении по большому селу у нее в ее восемь лет и ее брата Вовки в его семь от бабушки не было. Федора, напротив, всегда рада была предоставить им полную свободу в действиях, но только после утренней работы по дому. Бабушка твердо знала пути исцеления детей от дурных мыслей и поступков, а также для подготовки к большой и трудной жизни через трудотерапию. Катка, толстая и ленивая девка с пухлыми, пылающими здоровым румянцем щеками, придумывала всяческие обманные пути, чтобы ускользнуть от работы, притворяясь больной и немощной. Вовка был и бабушкиной надеждой, и радостью, и гордостью. Мальчик как две капли воды был похож на ее непутевого сына, их отца, и Федора, что-то не доложив в свое уже великовозрастное и ученое чадо, получила от небес еще один шанс реабилитировать себя как воспитатель. Она любила, баловала и обожала внука. И внук со своей детской доверчивостью с готовностью отвечал на ее чувства и проявлял чудеса трудолюбия и послушания. Катка гордилась своим братом. Несмотря на разницу в характерах, они чаще находили общий язык, чем жили в раздоре. Вовка был крепкого телосложения, сильный мальчик, который так же, как и сестра непримиримо реагировал на несправедливость и умел защитить и себя, и сестру, и даже их сопливую подружку Вальку – соседку по дому.

Втроем они составляли дружную команду, бегали играть, купаться на речку и в колхозный сад за черешней и яблоками. Вместе ходили в поход и даже за грибами, которые на Украине были редкостью, но все же были! А еще их любимое место купания – бассейн, наполненный до краев водой, глубокий, со сливом в виде маленького водопада в узкий ров, в котором водилось огромное количество рыбы. Колхозы на Украине в далекое советское время жили богато и красиво. Им было чем гордиться и удивлять приезжающих к ним гостей!

– Эй, вы, кацапы! – вдруг слышали дети, пробегая мимо бассейна. Они оглянулись и увидели местного лысого мальчишку с перекошенным от своего превосходства лицом. Его они видели впервые.

– Шо тобі треба? – ответил Вовка.

– Я зараз покажу, що мені треба, – он нагнулся, схватил камень и бросил его в их сторону. Камень пролетел мимо, но реагировать на лысого надо или он тоже сядет на шею. Вовка пошел навстречу пацану, и тут Катка даже охнула от неожиданности. Со всего размаха ее брат кулаком въехал по самодовольной роже, да так профессионально, красиво, по-боксерски, как показалось Катке, что какое-то мягкое тепло разлилось по ее груди почему-то от гордости за себя сначала, ну а потом уже за Вовку и уже дальше за всех их вместе взятых. Вот вам!

Мальчишку перекосило, он громко заревел и заорал что есть мочи, кого-то призывая. Дети побежали дальше, ух, и жарко, а ведь бассейн уже рядом – через дорогу, как призывно журчит водопадик...

– А, ну стой, кацапня! – из-за горки выходила вся пацанская вражеская братва во главе с самым «кровожадным» – Михелем. И пошли они – Вовка, Катька и Валька с одной стороны и свора грязных босоногих и грозных местных мальчишек с другой. Подошли почти вплотную, стиснув зубы, но бежать уже не хотелось.

– Ну, шо, вот вы и попались! Зараз мы вас тут и похоронемо! – сказал Михель, смачно сплюнув в сторону, – шо б вы знали, як обижать мого брата.

– Кишка тонка, – ответил Вовка, становясь в стойку. Катька встала рядом:

– Пусть вас больше, но в обиду мы себя больше не дадим.

Все клокотало у нее от гнева и решимости. Их вид был настолько подтверждающим слова, что пацаны замешкались, с таким отпором они встретились впервые. Но в том, что драться надо, сомнений уже не было.

– Шо ссышь, Михель? Давай одын на одын, и тоды подывымося, что ты стоишь без цых подпевал, – предложил Вовка. Михеля это оскорбило – эти слова были пусковым моментом для драки. Сцепились сразу все, ничего было не понять, кто кого и как. Вовка отражал сразу несколько человек, толстая Катька отдирала от себя озверевших пацанов, разбрасывая их вокруг. Они, оказывается, не такие уж сильные, успевала в уме анализировать противника Катька. В ход шли и кулаки, и локти, и коленки. Слабые уже устали и передыхали тут же рядом. Валька стояла в стороне и ревела. Катька заметила дерущихся Вовку и Валерку Михеля, но к ним ее не пускали кулаки и подножки других мальчишек.

– А, ну, шо тут робытсья? – слышали они грозный мужской крик. Рядом с ними остановились проезжающие мимо на велосипедах рабочие.

– Хиба игр нема? Шо вы не подэлылы? Ото ж цеж диты, а як разбойныки. А ну, прекратыть. Живо по домам, а то зараз к батькам пойдэмо.

Дети, тяжело дыша, прекратили драться. В то далекое время взрослых принято было слушать и повиноваться им.

– Ще зустринемося! – грозился уставший Михель, – це не кинец, так лэшко не вдасться уйты.

– Подывымося, – вторил ему Вовка, презрительно сплевывая в его сторону, – ще попадэшься на узкой дорожке одын, сквитаемося.

– Що не расхodyтсья? – не унимались рабочие, – чи глухи, шо вам сказано?

Дети медленно развернулись и поплелись в разные стороны, оглядываясь друг на друга и на ходу осматривая разорванную и грязную одежду, синяки на руках и ногах, кровоподтеки на лице друг у друга. Как показаться бабушке в таком виде, Вовку и Катьку не волновало, они твердо знали, что никаких истерик у нее не будет.

– Подралысь, та и хай. Треба вмиць себя зашитыть, а то що з тебе дальше буде? – говорила грозная и справедливая Федора своим малолетним внукам и гордилась, что они приобретают при ней ее нерушимый и неподкупный характер.

У

Катьку ни на один день не отпускала тяга к врачеванию. Она организовала госпиталь на горище, по-русски – чердак, в бабушкином сарае. Там оборудованы доски под две койки, так как «раненых» всегда было одинаковое количество – Вовка и соседская Валька. Лежать в госпитале они целый день категорически отказались, поэтому «врачу» – Катьке – приходилось обходиться только процедурами, с настойчивыми просьбами и пинками, заставляя измученных лечением «раненых» подниматься наверх. Это продолжалось каждое лето, но недолго. Вовка и Валька в воинственной позе отказывались подчиняться Катьке и придумывали новые игры. Тогда Катя искала в бабушкиных школьных книгах по биологии страницы, где рассказывалось об анатомии животных. Ей было интересно расположение внутренних органов, и девочка с раннего возраста уже имела представление, с какой стороны тела находится печень,

сердце, почки и так далее. Как-то раз Катька сама подтвердила свои нетвердые знания на практике. Она нашла дохлую мышь и захотела посмотреть, что у нее внутри. Мышка оказалась не маленьких размеров, чем еще больше заинтересовала любопытную Катю – будет все лучше видно! Она приволокла ее на кухню, положила на обеденный стол и стала искать нож для вскрытия, за что получила затрещину от вовремя подошедшей бабы Федоры.

– За несоблюдение правил гигиены и стерилизации, – объяснила бабушка.

Катька схватила мышь и рванула в сад. Там нашла ржавый гвоздь и, стараясь, ну очень аккуратно, вскрыла дохлятину от шеи до хвоста. Развернула кожицу и увидела потрясающую картину – все было на своем месте, сложено, как в книжке, ровненько, как показалось Катьке, даже красиво. Большее место занимает кишечник и рядом к нему прилегают, не оставляя свободного места, даже узкой щелочки, желудок, большая печень и сердце. Она трогала пальчиком органы и радовалась тому, что мышке не больно и что она – мышка не зря прожила свою коротенькую жизнь, а послужила «науке», как думала тогда маленькая врачиха. И не просто послужила, а теперь и уже навсегда, наполнялась уверенностью Катька, определила ее профессию в медицине. Катя даже закрыла глаза от счастья и осознания того, что вот ее смысл жизни – она будет только хирургом. И было бы здорово, если бы она умела делать самые сложные операции. А самые сложные, складывалось в Катькиной голове, это операции на сердце и сосудах, а еще на легких, не унималась нахлынувшая фантазия. Так, значит, решено – она будет кардиохирургом. Катька откинулась на траву, смотрела в небо и мечтала о том, сколько же пользы она принесет людям, если у нее все получится! Она представляла себя в белых одеждах, с марлевой маской на лице, склонившейся над операционным столом. Рядом с ней еще другие врачи и медсестры. Операция длится несколько часов, Катька борется за жизнь пациента и выходит победителем – ну, все как в том фильме про врачей, который она смотрела зимой, и сладко-сладко заныло в груди. Сбудется ли все то, о чем мечтается?

– Ка-а-атэ-э-эры-ы-ыно-о! – грозный голос бабушки не предвещал ничего хорошего, – А, ну, йды сюды.

Катька вскочила, как ошпаренная, и молнией метнулась на Федорин зов. Непослушание в их семье каралось сурово.

– Ты ничего не чувствуешь? – начала издали бабушка. И повела ее к кроличьей клетке, на которой уже второй день жарился на солнце найденный Катькой мертвый уж. Она нашла его вчера, облепленного муравьями, уже дохлого. Уж был размером около метра, и Валька с Вовкой отошли в сторону, увидя это зрелище. Восторгам Катьки не было конца, она схватила змею, очистила ее одним движением от муравьев и лихо как воротник набросила ее себе на шею, чем повергла в ужас детвору. Радостная Катька, увидев испуганные глаза брата и подруги, решила на этом не останавливаться. Она взяла голову ужа и начала тыкать ее в перекошенное от страха Валькино лицо. Вовка и Валька стали улепетывать от маленькой садистки, Катька за ними. «Игра» продолжалась не долго, скоро ей стало скучно одной с дохлой змеей. Одним взмахом ненужный уж полетел на ближайшую кроличью клетку, а юная садистка пошла мириться и извиняться перед своими друзьями. Новая игра захватила их, и уже никто не помнил ни про змею, ни про то, куда она делась. А из Катькиной головы вообще вылетела информация о том, что органические тела в мертвом состоянии разлагаются и еще при этом извергают такой, мягко сказать, неприятный запах, что даже начинает тошнить от отвращения. Первой начала испытывать дискомфорт бабушка, она понимала, что что-то не так, но что именно, долго понять не могла. Запах по двору распространялся постепенно, заполняя сначала задний двор и проникая на бабушкину рабочую территорию. Федоре пришлось отложить все дела и заняться выяснением причины, появившейся вони в ее цветущем дворе. Справиться самостоятельно она не смогла и позвала на помощь Вовку. Мальчику даже напрягаться не пришлось, чтобы вспомнить про вчерашний день и предположить откуда эта вонь. Осталось малое – вычислить

где во дворе скрывается занятая собой и своими делами Катька, чтобы вывести ее на чистую воду.

– Ну, так, шо? – повторила вопрос бабушка, – хибя тобі не воняе?

– Ще як воняе, – выдавила из себя Катька, задумываясь о том, как бы избежать участия в ликвидации со двора зловонно пахнувшей и уже не привлекающей ее змеи. Но об участии даже речи не шло, она должна была сделать все сама, без посторонней помощи.

– Зараз ты ее визьмешь и вместе з нею на вси чотыре стороны, геть с двора, да подальше, – рявкнула Федора. Катька с брезгливостью завернула ужа в бумагу и потащила его в ров хоронить. И так как это было не последнее дохлое животное на территории двора, она быстро вернулась к своей мыши, и похороны продолжились дальше.

Свободы было достаточно, чтобы нагуляться, накопаться и набегаться в течение дня, но в основном Катька и Вовка занимались накопительством. Денег в семье никогда не хватало, и они часто наблюдали экономную и расстроенную маму, которая подсчитывала копейки, чтобы подготовить их в школу или отправить отдыхать в летние каникулы на Украину. Дети смекнули с самого раннего возраста, что могут приносить пользу маме, пусть небольшую, но поддержку. Поэтому каждый день тратился еще и на уборку территории села от скопившихся пустых бутылок, которые с «радостью» принимались в магазинах по 12 копеек за штуку. Практически каждый день приносил удачу. Дети не тратили эти деньги на лимонад и конфеты, они бережно их складывали в копилку до приезда мамы. За лето получалось до 20 рублей, а по тому времени это были хорошие деньги, ведь билет в купейный вагон с Украины до Москвы тогда стоил 12 рублей с копейками.

Лето пролетало незаметно, в конце августа всегда приезжала мама и забирала своих откормленных, розовощеких детишек назад, в маленький подмосковный городок Серый, с горькими восклицаниями в бабушкин адрес:

– Ну зачем ты, мать, их так откормила? Мне же их теперь дома не прокормить!

На что довольная Федора, рассматривая детей, никогда с ней не соглашалась, считая, что «Диты довжны бути здоровэньки у всіх смыслах цього слова!».

VI

В Сером осенью начиналась совсем другая жизнь – школа, ответственность в учебе, пьяные соседи в коммуналке, сырость и холод.

Катька остро ощущала холод этого городка и свое одиночество, мороз не только на улице зимой (а зима длилась месяцев шесть с половиной – с октября по апрель), но и на душе. Для нее здесь все было чужое, она точно знала, что, как только станет взрослой уедет сразу и больше не вернется. Получится ли это у нее? И Катька усиленно училась, получала знания, чтобы поступить в свой медицинский институт, куда стремились очень многие из города, но не у всех получалось. Одноклассники ее не любили и презирали за рвение к учебе. Она стала замкнутой, но на обиды отвечала бурно. Не умея защитить себя словом, она охотно начинала драку, и вскоре от нее все отстали, считая ее ненормальной и придурковатой. Учителя же, напротив, относились к Катьке с уважением и вниманием, так как видели усилия не очень умной девочки, но отличающейся от других детей старанием, усидчивостью, хорошей памятью и терпением. Учиться было приятно и интересно, многие предметы ей давались с легкостью, кроме математики и всех других, которые были связаны с точными науками. Здесь Катька была круглой дурой, но помогала отличная зрительная память, которая делала просто чудеса. Катька быстро запоминала длинные примеры с логарифмами, абсолютно не понимая их смысл, линейные и столбчатые названия кислот по химии, формулы и задачи по физике. Но шаг влево или вправо от заученного приносил свои неприятные результаты. Мама никогда не проверяла домашние задания ни Катьки, ни Володи. Для детей твердо было определено – это их жизнь, и насколько они ответственно к ней отнесутся, настолько же и получат результат.

Катка была натурой увлеченной. С семи лет толстую и упругую дочуру мама устроила в танцевальный кружок, где она охотно занималась, на зависть своим подружкам, которые любыми способами старались отлынивать от танцев. И в снег, и в пургу Катка летела в танцевальный зал и старалась изо всех сил, но у нее мало что получалось. Всегда она была «запасным игроком», то есть на случай, если кто-то из танцоров заболит перед концертом. Шили миниатюрные костюмы сразу на всех детей, в том числе и на два размера больше необъятный Каткин наряд. И так славно для нее всегда получалось – на концертах Катка выступала практически постоянно. Волею судеб перед каждым выступлением выпадала из группы по разным причинам одна из ее подруг, поэтому Катю охотно обучали следующему танцу, возлагая на нее определенные надежды. Школы в то далекое время обладали мощными базами по спортивному, хореографическому, вокальному, театральному обучению детей. Учителей разных профессий было достаточно, в школе жилось интересно и дружно. На все всегда хватало времени – и на уроки, и на дополнительные занятия. Была у Катки заветная мечта – она до боли в сердце хотела учиться в музыкальной школе. Но сбыться этой мечте было не суждено, у мамы не было денег на обучение и на покупку пианино. Любимая Каткина подруга – Светка Мяскина визжала в голос:

– Не хочу идти в музыкальную школу, надоела она мне. И вы мне все надоели, – рыдая, взывала она к своей матери и отцу. За что получала затрещину и пинок в сторону музыкальной школы, и еще вдогонку портфель с нотной тетрадью, который ловила уже сама Катка и бежала с ним, успокаивая свою подругу уговорами и получая за это от нее сто фунтов презрения и ненависти. Светка, вытирая сопли, заходила в двери школы, а Катя гуляла вокруг здания школы, угадывая, из какого же окна будет доноситься певчий голос Светки. Но звуков из всех окон лилось так много, что она уже забывала про Светку и мечтала о своем. О том, как вон из того окна на втором этаже слышится уверенная и очень знакомая мелодия, и это она – Катка так здорово играет на фортепьяно. А с третьего этажа таким звонким голосом тоже поет она и готова петь хоть целый день. Ну почему только к Золушке пришла добрая фея и осуществила все ее желания? Ну, совершись чудо, пройди мимо педагог из музыкальной школы, заметь ее – ведь она будет самой лучшей ученицей. С ней будет легко заниматься, так как Катя готова на все. Но жизнь готовила ее к другим победам, и не суждено было Катке научиться играть на пианино и знать ноты.

VII

– Так, девочки! Выстроились ровненько, не болтайте, слушайте меня внимательно, – сказала молодая незнакомая женщина, выстраивая танцевальный кружок ровно по линеечке.

– Я ваш новый учитель по хореографии. Зовут меня Ирина Андреевна. С сегодняшнего дня я отберу для занятий девочек, которые будут заниматься со мной дальше по новому расписанию, – уверенно сказала она.

– Из кружка уходит Бондарь Катя. Ты сама, Катя, понимаешь, все танцоры должны быть одного роста и комплекции, – сказала Ирина Андреевна невысокой, пухлой с выпирающим животиком красной от стыда и удивления Катке.

– Как хорошо, – выдавила из себя девочка, – сколько теперь будет свободного времени. Ура! Я теперь свободная, – быстро говорила шокированная Катя, еще до конца не осознавая, что все это происходит с ней. И что все на нее смотрят с жалостью, и что уходить она не может, что-то ее не пускает – какой-то комочек в груди. А плакать как хочется! Надо куда-то деться. Она быстро спрыгнула со сцены и пошла в зал, села и посмотрела на своих подруг и новую учительницу. Ирина Андреевна что-то уже увлеченно рассказывала детям, и никто из них не обращал на Катку никакого внимания. Она взяла свои вещи и уверенно пошла к выходу, думая о том, что ей уже 11 лет, а она еще никому не принесла никакой пользы. И толку от нее нет никакого, что она может? Она ничего не умеет. Но ни в коем случае нельзя паниковать

и плакать, она еще им всем покажет, на что она способна. Катька быстро шла к дому. Она сощурилась и высоко подняла голову.

– И пусть, пусть так получилось. Я не верю, что все кончено. Я хочу заниматься танцами и буду ими заниматься. Я пойду в другой кружок. Меня возьмут, и у меня все получится, – уже твердо решила она для себя и зашла в подъезд своего дома.

Маме и Вовке она ничего не сказала. Ей было стыдно за себя. И как она скажет, за что ее выгнали? Вовка тут же взбесится от радости, и у нее начнется новая волна унижений. От своего брата она всегда получала мощную критику по поводу сочетания тучной комплекции и вздорного характера, сопровождающуюся изысканными выражениями в свой адрес типа толстая тумбочка, Фрекен Бок, жиряга, ей даже было присвоено имя знаменитого Тумбы Юхан-цана (если оно правильно произнесено).

Но Катьку особо нигде не ждали. Она, не спрашивая маму, пыталась узнать сама, где и как работают в городе хореографические кружки, но натыкалась всегда на одну и ту же информацию – при школах для учащихся этих школ. Предложить себя из другой школы она не смела. Жить стало скучновато, и Катька решила испытать себя в швейном деле.

«Всегда и везде приветствовалась девочка, умеющая держать в руках иголку с ниткой», – рассудительно думала она.

А если еще и научиться шить красивые платья и блузы, пальто и куртки? То цены ей не будет!!! Но – было одно большое НО! Катьке никогда не давалась наука шитья и приготовления пищи на уроках труда в школе. Ее организм просто отвергал правила и умения хозяйствования по дому. Желания не было напрочь, как она над собой ни билась. Но Катька была бы не Катька, если бы не смогла заставить себя хоть маленькими порциями, но осваивать эту науку.

Кружок кройки и шитья был организован в городе мастером – педагогом для девочек со всех школ, находился он на другом конце города. Воодушевленную юную портниху это не испугало, и она со всем своим энтузиазмом и напором явилась на занятия, поразив наповал мастера Ольгу Сергеевну своей безграмотностью и неусидчивостью в этом кропотливом деле. Из метра ткани, как казалось, Катьке могла бы получиться красивая блуза с рукавами-фонариками, на что Ольга Сергеевна просто разводила руками, в сотый раз пытаясь объяснить, что для блузы нужна выкройка, а не обверложенная дырка для головы в середине полотна. Потом она махнула рукой и оставила Катьку в покое. Весь материал в доме, заботливо припасенный мамой для своих каких-то обновок, был зверски испорчен раззадорившейся и увлеченной шитьем дочурой. То, что она сваяла из этих приличных кусков материи, сама носить не стала, да и никому эти шедевры подойти не могли, только, наверное, лишь сказочной Дюймовочке. Катьку огорчали такие результаты, но на большее она, как ни старалась, явно уже не могла быть способна. Ольга Сергеевна относилась к ней с добротой и какой-то материнской нежностью, реагируя всегда улыбкой на ее взбалмошные и непрактические идеи. Мастер уже знала, что Катька хочет быть врачом, и всячески старалась дать понять маленькой девочке, что врачевание будет ее коньком и что именно в этой профессии у нее все получится. Откуда она это знала?

Полгода хватило Кате бороться с собой, чтобы стать швеей. На большее ее не хватило, она стала пропускать занятия, а потом перестала приходить совсем. Встречаясь с Ольгой Сергеевной на улице, они долго по-родственному что-то обсуждали, чувствуя друг к другу какую-то привязанность и теплоту. Так и остались хорошими друзьями на долгие годы.

Как-то, в очередной раз, приехав со своей любимой Украины, Катьку послали за хлебом в магазин. Она решила изменить привычный маршрут и пошла в хлебный магазин на берегу реки. Ничего не предвидя, она брела по дороге и обдумывала новый учебный год, размышляя над тем, как скоротечна жизнь и что она уже в седьмом классе и уже почти взрослая, а ничего, кроме школы, у нее нет. В свои 12-13 лет дети уже могут играть на пианино, правильно петь, садиться на шпагат и красиво танцевать. А она? Так, серая мышь в своем самом сереньком

городке Сером. И тут остановилась, как вкопанная. На свежеприклеенной афише на столбе объявлений она прочитала о наборе в хореографический кружок девочек 12-14 лет. Она не верила своим глазам, наверное, что-то неправильно прочитала, что-то не поняла. Катя напряглась и внимательно прочитала каждое слово –

В городской хореографический кружок производится набор девочек 12-14 лет. Обращаться в Дом культуры гороно ежедневно с 17 ч. до 19 ч. Хореограф Козуб Татьяна Владимировна.

Катка замерла, одну минуту обдумывала информацию. Посмотрела на часы: 17 ч. 40 мин. и бегом, стремглав полетела в Дом культуры.

Татьяна Владимировна, невысокая толстенькая миловидная женщина лет тридцати, сидела в окружении нескольких стройных длинноногих девочек. Она взяла Катку сразу, как только узнала, за что та была выпровождена из школьного танцевального кружка. Педагог сказала, что не это имеет значение и что она тоже никогда не отличалась худобой и тем не менее имеет среднее хореографическое образование и успешную карьеру. Она как-то сразу поставила Катку в центр внимания, понимая ее и, видимо, вспоминая что-то свое пережитое в прошлом.

– Работать будем много, – твердо сказала Татьяна Владимировна, – расслабляться никому не дам. Занятия будут через день в течение трех часов. Завтра в 14 ч. 30 мин первый урок. Форма одежды: футболка и короткая юбка, на ногах туфли на небольшом каблучке. Вы готовы?

– Да, да, – вторили ей девчонки, – готовы!

– Конечно, конечно, – говорила про себя Катка, не спуская глаз с Татьяны Владимировны, слушая ее сладкую для себя речь.

– Расписание может измениться по мере пополнения группы, – продолжала учитель, – в конце каждой четверти отчетный концерт, на который мы должны будем подготовить два-три танца.

– А костюмы, мы будем шить костюмы для выступления?– спрашивали девочки.

– Костюмы шить не будем, так как все уже сшито и висит в примерочной. Дом культуры работает давно, при нем в течение нескольких лет работает городской танцевальный и театральный кружок со своей нашитой большой гардеробной. Если кому что-то не подойдет, то подгоним под размер, – рассказывала Татьяна Владимировна.

Катка думала, что попала в сказку. Неужели все будет так, как говорила эта еще не знакомая, но уже понравившаяся ей молодая женщина? И она тоже везде будет участвовать. Аж дух захватило!!!

– Тебя за смертью посылать, – ворчала раздраженная мама.

Она не волновалась, что дочура пропала на два часа, уйдя за хлебом. В то время маньяков не было и преступников днем с огнем не сыщешь, ну а уж чтобы украли ребенка или человека – об этом даже не знали теоретически. Хорошее время было. Не было страха у матерей за своих детей. Дети с пяти-, шестилетнего возраста могли самостоятельно передвигаться по окружающей территории вокруг дома в радиусе два и более километра, играть во дворе без родителей часами, без всякого присмотра. Если подрались или нашкодили, проходящие мимо взрослые не дремали, применяя воспитательные меры. Мораль и нравственность были в почете, взрослых дети слушали безукоризненно. Да и городок был невелик, чтобы какое-то мелкое злодеяние ребенка не дошло до ушей его родителей. Мамы говорили большое спасибо, и воспитание продолжалось дальше.

Катка ничего не рассказала маме, опасаясь, что вдруг не получится задуманное. Чтобы потом не было стыдно. Она просто решила сделать ей сюрприз. На следующий день она вернулась из школы полтретьего. А занятия-то в три часа, а еще до клуба, если бегом, минут пятнадцать. Времени хватило только на то, чтобы переодеться и засунуть в рот первый попавшийся на глаза кусок съедобного. Быстрее, быстрее, быстрее! Все, успела. Девочки были уже на сцене, Татьяна Владимировна уверенным голосом отдавала команды:

– Так, впереди – Галя, Вера, Наташа. Второй план – Света, Нина, Марина, Оля. Девочки, не зеваем, перестраиваемся. Так, Катя, а вот и ты. Встанешь в первый ряд. Живее!

Катка не могла понять, откуда у нее этот восторг и музыка в душе? Да, конечно же, от того, что она снова в танцевальном коллективе, да еще в каком! Кому скажи – не поверят! А еще оттого, ну, конечно же, от этого – оттого, что не засунули ее, как прежде, назад, в дальний угол, чтобы никто не видел. А стоит она впереди, и как хорошо видно ноги учителя, которые показывают замысловатые позиции. И она обязательно оправдывает себя, она будет делать все, что скажет Татьяна Владимировна, только чтобы не поступили с ней так, как в школе. Уже шел второй час занятия, все выдохлись, у Катки пересохло в горле, в глазах появились темные маячки от усталости. Одна Татьяна Владимировна задорно отплясывала на глазах у еле живых девчонок, приговаривая:

– Спины держим ровно, чеканим дробь – танец народный, родной, значит. Руки, руки – а, ну, в боки! А где улыбка на лице? – смеялась она.

А на лицах танцующих уже не до улыбки, только пот градом. Некоторые девочки взмолились. Катка бы тоже хотела им подпеть, но сжала губы, улыбка получилась настолько кривой и жалостной, что Татьяна Владимировна подняла вверх руку и объявила перерыв аж на 15 минут. Все с грохотом, тяжело дыша, упали на стулья.

– Это поначалу трудно будет, а потом привыкнете. Тренировка дело хорошее, впереди у нас еще два часа, так что настраивайтесь, – ласково щебетала хореограф.

Три часа репетиции пролетели незаметно, только ныло все тело, голова была пустой и ни о чем думать не могла, ноги тяжелые и неподъемные. Девчонки разбредались по домам молча, получая информацию о том, что завтра снова занятие и чтобы никто не опаздывал. Катя ползла домой уставшая, но счастливая. Началась ее новая жизнь, имеющая смысл, так как она снова при деле. При том деле, которое ей нравится и для нее оно очень полезно, размышляла она, так как уметь танцевать ей пригодится в медицинском институте. Ведь не хочет она быть постоянно толстой коровой, а вдруг навсегда останется такой? Ну, хотя бы быть подвижной и гибкой, вздыхала Катка.

Жизнь закружилась между школой и хореографическим кружком, полная забот и приятных событий. Все уже давно подружились и поддерживали друг друга. Катка так и стояла в первом ряду, и были у нее свои сольные партии почти в каждом танце, и не было уже этой зверской усталости. Тело стало легче. Частые репетиции и отсутствие полноценного обеда сделали свое дело. Каткины штаны уже висели на бедрах, упругие бока их поддерживать отказались, жирненький животик подтянулся к позвоночнику, рукава на кофточке-водолазке уползли к локтям, и сама, раньше длинная кофточка стала вдруг короткой и неприличной. Катя как-то мгновенно выросла на восемь сантиметров и похудела на два размера. В школе она уже не слышала в свой адрес о том, что она толста невероятно, но по-накатаному ее продолжали сторониться, так как рвение к учебе с килограммами не исчезло. Школа жила своей привычной интересной жизнью, в которой Катка почти не участвовала, так как все свободное время занимал хореографический кружок.

В конце каждого года школы давали отчетные концерты, выбирались самые лучшие номера и представлялись на сцене городского Дома культуры в качестве конкурса. Ее школа всегда выступала в числе лучших, часто занимая первые места. В этом году она школу не представляла, но зато их танцевальный кружок, которым руководила Козуб Т.В., считался самым профессиональным в маленьком городке Сером. И, конечно же, их танцы представлялись на каждом городском концерте.

В этот конкурсный день Дом культуры был просто наводнен детворой со всех школ. Везде звучало «Пусть всегда будет солнце», все нарядные, веселые, праздничные. Катка знала, что ей предстоит встретиться с ее бывшей танцевальной группой и их новым руководителем, и от

этого на сердце неприятно ныло, так как понимала, что может произойти что-то нехорошее, но еще по своему малолетству и отсутствию опыта даже не могла предположить, что именно. Конечно, красочные и нарядные костюмы их городской группы в корне отличались от школьных нарядов, но не это главное. А может, это? Ведь засмотрелись не на нее, а на юбку и венки с лентами.

– Смотрите, Катка! Какая ты красивая, ты откуда здесь взялась? – кричала Надя, ее бывшая подруга, удивляясь и не веря своим глазам. Катю обступили ее школьные приятели. Ирина Андреевна оглянулась, но, присмотревшись и, видимо, ничего не вспомнив, отвернулась и опять занялась приготовлением к выступлению.

– Я здесь танцую, я сейчас в кружке у Козуб Татьяны Владимировны уже почти год, – отвечала она и себя не слышала. Недоуменные и неприветливые взгляды девочек заставили ее обильно покраснеть, и она уже не знала, что отвечать.

Положение спасла Татьяна Владимировна, которая звонким голосом собирала свою группу для открытия конкурсной программы. Катка сорвалась с места и заняла свою позицию. Она танцевала самозабвенно, улыбка не сходила с лица – пусть на нее посмотрят учителя и завучи ее школы, а самое главное – пусть посмотрит та, которая не оценила ее и выгнала.

За кулисами, куда после танца вбежала вся группа девчонок, ее уже ждала одна из завучей школы:

– Что ж ты, Бондарь, за школу так не танцуешь, как за город? Пренебрегаешь нами? В школьной жизни не участвуешь, как это понимать? – отчеканила она.

Катка задохнулась, она вдруг почувствовала, как в груди все сжалось от боли и несправедливости, комком подкатил к горлу. Она опустила голову с накатившимися слезами на глаза, но так и не смогла ответить ни слова.

– Ладно, разберемся потом. Вот такие эгоистки вырастают, что бы для них школа ни делала.

Катка почувствовала чью-то руку на своем плече. Сзади стояла Татьяна Владимировна.

– Это еще только начало твоей жизни, девочка моя. Дальше будет хлеще, ты всегда должна быть готова к таким поворотам судьбы. А для этого нужно быть сильной, потому что несправедливые люди никогда не захотят напасть на сильного человека, умеющего постоять за себя.

Сердце продолжало сжиматься и сильно стучать, но плакать почему-то расхотелось. Оставалось одно – ее как будто придавило чем-то тяжелым, которое невозможно было сбросить с себя сразу. «Разве может так быть?» – размышляла она, но, совсем не чувствуя себя виноватой, опять с трепетом пошла на сцену.

VIII

В школе осложнений никаких не вышло, она продолжала хорошо учиться и считаться одной из успешных учениц. Так, полный забот и новых впечатлений, пролетел еще один учебный год. Наступило лето, а значит, поездка к бабушке на любимую Украину.

Бабушка ждала своих внуков с нетерпением, сохраняя, будучи на пенсии, определенный вес и авторитет в школе, она могла с легкостью определить своих чад на разные экскурсии с любым классом. Дети охотно соглашались, потому что эти поездки, кроме разнообразия отдыха, приносили еще и массу полезной информации, а также развлечения на каруселях, а главное – мороженое, и сколько хочешь, так как родителей рядом не было, а сопровождающему педагогу было не до того, чтобы подсчитывать количество съеденного детьми.

Так получилось и на этот раз. Поездка была по местам боевой славы. В то время такого рода экскурсии очень приветствовались, детям прививалось уважение к ветеранам войны, да и последствия этой последней и самой кровавой и несправедливой войны еще жили в каждой семье. Любой школьник без запинки мог сказать, когда началась Великая Отечественная война, в какой день недели, в какое время суток, сколько она продолжалась, количество уне-

сенных жизней и когда с триумфом закончилась. А дети, живущие в наше время, могут сполна выдать эту информацию? А историю не отменял никто!

Поездка для детей была организована в город Черкассы и Смелу на целый день, ехали Катька и Вовка со своими сверстниками из сельской школы. За годы многочисленных летних каникул они обросли достаточным количеством друзей в их селе. Лучшей подругой у Кати была Вера Лампыга (фамилия очень редкая и красивая), которая познакомила ее с другими девочками из своего класса, и Катька неожиданно для себя сдружилась с этими девочками, понравилась им и была нарасхват и всегда в центре внимания. Все хотели с ней пообщаться и даже, к удивлению, боролись друг с другом за ее внимание. Замкнутой и отверженной в своем городе Сером Катьке это внимание было в диковинку, она, конечно же, была счастлива и с радостью окунулась в новую компанию. А что было самым странным – новые подруги считали ее очень красивой! Считая себя гадким утенком, в это Катя категорически не могла поверить, но этот факт оказался тоже очень приятным.

Автобус стоял около школы. Все ребята, как принято, заняли для себя самые лучшие места. Для Катьки забили сразу несколько мест ее новые подруги, и она, не торопясь, зашла в салон и села, конечно же, с Верой. Все оживленно разговаривали, шутили друг над другом и баловались. Звонкий смех распространялся далеко за пределы автобуса. Катька, хохоча, повернула голову и посмотрела в окно на группу мальчишек, еще не зашедших в автобус, и застыла. В душе все оборвалось, смех как рукой сняло – около дверей стояли ее враги вместе с Валеркой Михелем. Это был конец, она знала, что ее счастье долго длиться не может. Сейчас он зайдет и долбанет ей по голове при всех, а потом пойдет ругань и разборки, так как он не упустит момента опозорить ее. Она опустила голову и медленно обдумывала ситуацию.

– Так выйдет неудобно, мы уже взрослые люди – 13 лет, а будем вести себя, как салаги малолетние. Конечно, что там мама говорила о том, что мальчишки вырастут дольше, так она же не виновата в том, что вымахала в длину и похожа уже больше на девушку, чем на ребенка. Что теперь будет? Господи, помогите же ну хоть кто-нибудь! Катька сидела, вжавшись в сиденье, и даже не заметила, что уже тронулся автобус, и ее за руку теребила изо всех сил Верка:

– Ты что, уснула что ли? – кричала она ей в ухо. – Ку-ку, я здесь, проснись, – махала она ей пальцами перед глазами.

«Где они? – промелькнуло в Катькиной голове. – Неужели не поехали, может, просто случайно подошли к своим друзьям проститься и пожелать хорошей поездки?».

Она посмотрела на удивленную Верку и боковым зрением увидела загоревшее лицо Михеля на заднем сиденье. Радости не стало, она вся сжалась внутри и превратилась в ожидание неизбежного. Поездку Катька помнит плохо. Четко всем организмом она следила за своими врагами и уже была подготовлена к самому плохому, но, как ни старалась, не могла заметить с их стороны никакой агрессии. Несколько раз она ловила и даже чувствовала долгий внимательный взгляд со стороны Валерки в свою сторону, но на этом все и заканчивалось. Кто-то отвлекал его разговорами, и он опять не обращал на нее никакого внимания. По дороге домой Катька четко поняла и представила тактику своих врагов. Да, конечно же, как она сразу не могла догадаться – они тоже не хотят разборок при всех. Вот когда поездка закончится, и они все выйдут из автобуса, вдали от учителя и других ребят, тогда только они будут драться, чтобы их никто не видел. У Катьки даже отлегло от сердца, она расправила плечи.

«А теперь надо им показать, что я их не боюсь!» Она развернулась к девочкам, не обращая внимания на мальчишек и Валерку, и лихо подхватила украинскую песню:

«Ничь яка мисячна, Зоряна ясная!
Видно, хочь голкы сбирай,
Выйды, кохана, працею зморена
Хочь на хвылыночку в гай.....»

и допела ее до конца звонким и громким голосом под рукоплескания своих подруг.

Приезжая на Украину, Катька и Вовка с самого раннего детства с легкостью переходили на украинский язык, разговаривали без акцента и понимали дословно всех местных жителей, чем вызывали восторг и гордость у своих друзей и родственников. Возвращение домой уже не было таким неприятным для нее, она изо всех сил старалась шутить и смеяться. Даже под общий смех рассказывала анекдоты, хотя этот вид жанра у нее никогда не получался. Доехали быстро, расставаться не хотелось, но Катька знала, что сейчас наступает решающий момент для нее, поэтому надо скорее избавляться от сопровождающих ее подруг. Она медленно пошла по направлению к дому, включив на спине и затылке все воспринимающие нервные рецепторы, останавливалась и наклонялась к дороге, якобы поправить пряжку на туфле или за цветком у дороги, мельком бросая взгляды назад. Но видела лишь удаляющиеся фигуры ребят и никого за собой.

«Какая хитрость с их стороны, что же они придумали на этот раз, откуда их ждать?» Она продолжала медленно идти к своему дому, подошла к калитке и, ничего не понимая, открыла дверь и оглянулась назад. Никого не было, только дисциплинированные стаи гусей возвращались с речки в свои дворы. Это все выглядело довольно странным.

На другой день Катька и Верка договорились встретиться в школьном дворе. Они виделись каждый день, были всегда рады, когда к ним присоединялись другие их подружки. Но больше всего они любили петь. Имея звонкие голоса, не зная нот, не имея музыкального образования, они великолепно исполняли любые песни. Все девчонки замирали, когда слышали редкие новые песни. А Катька с Веркой старались изо всех сил. Вдвоем переписывали слова, так как магнитофонов не было ни у той, ни у другой, но слаженно на листочки успевали переписать слова понравившейся песни и знали наизусть весь репертуар всегда популярной Аллы Пугачевой.

В тот день Вера прибежала не одна, а с Ириной Кононенко, которая в дальнейшем стала также одной из лучших Катькиных подруг. Обе запыхавшиеся, глаза горят, хохочут так, что за животы держатся. Катька тоже пару раз хихикнула в ответ, но, не посвященная в тему веселья, стала грозно ждать, когда у подруг закончится приступ смеха.

– Если ты сейчас узнаешь, ты упадешь! – содрогаясь от смеха, выдавила из себя Верка, – лучше сядь! – Она вцепилась в Катькины плечи и силой посадила ее на сложенные у школы бревна. Ира уже не смеялась, но ее хитрый взгляд отчетливо давал понять, что она знает что-то чрезвычайно важное и тянет удовольствие перед тем, как ошарашить новую подругу.

– Вчера мы возвращаемся после поездки домой, – продолжала таинственно Верка, – и Валерка Михель у нас стал спрашивать о тебе: что это за такая симпатичная девочка была с нами на экскурсии? Мы сначала подумали, что он прикалывается, стали ему говорить, что он с тобой уже давно хорошо знаком и что мы впервые слышим от него, что ты симпатичная. А он не унимается. Знаешь, что он сказал? – «Я, говорит, хочу, чтобы вы меня с ней познакомили. Она откуда приехала?» Ты представляешь? Мы ему говорим: «Ты что, Михель, с дуба рухнул? Это же Бондариха, с которой ты насмерть дрался». Кать, он не поверил, вылупил на нас глаза и сказал, что этого не может быть. А Ирка ему сказала, что он слепой балбес.

Девчонки захохотали так, что даже одно из бревен выскочило и накатилось на Иркину ногу, что еще больше развеселило Верку.

Кате было не до смеха. «Ах, вот в чем дело! Ее просто не узнали! Да не могла же она так измениться, что даже враги ее не узнали. А сама-то хороша, тоже ведь тогда невзначай отметила, что Валерка повзрослел, возмужал что ли, стал мускулистый, все такой же загорелый. И взгляд.., взгляд был какой-то не знакомый, – вспоминала Катька, – внимательный, мужественный и смелый что ли. Конечно, он всегда был похож на Маугли, ее любимого героя из детской книги, но никогда не знаешь, что произойдет с человеком, когда он повзрослеет и что от него

ждать. А вчера она вся была поглощена ожиданием предстоящей драки и даже подумать не могла, что вот так все может обернуться. Этого НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НИКОГДА!»

И тут со всей мочи прыснула от смеха сама Катька. Она тут же явно вспомнила слова своей бабушки, крикнувшей ему: «Ты ж еще ж зятем моим будешь!» Сколько лет назад это было? Ей сейчас 13 лет, а было это лет пять – шесть назад. Невозможно поверить все равно. Смех у Катьки был больше нервным, чем радостным. Она сейчас осознала лишь то, что ей больше не грозит опасность, и эта мысль грела сердце и плавила тяжесть, оставшуюся на душе после вчерашнего дня

События разворачивались мгновенно. Каждый день был не похож на предыдущий. Каждый день приносил новые приятные события и ощущения. Вовка, любитель рыбалки, как-то вернулся домой не только с рыбой, но и... с новыми друзьями, среди них были Валерка, Гришка и Семен – почти весь костяк вражеской компании. Они скромно, стесняясь, зашли во двор, робко поздоровались с бабушкой, Катя в это время выходила из дома и остановилась на пороге в нерешительности. Володя по-хозяйски твердо сказал, что войны больше не будет, что это отличные ребята, они вместе рыбачили все утро и подружились.

– А еще, Кать, они нас с тобой вместе приглашают кататься на лодке, – обратился он к сестре. Катька засомневалась, ей не хотелось сразу оказаться в мальчишеской компании, было не совсем удобно. Она неуверенно предложила взять с собой соседскую Вальку, чтобы ей не стесняться парней. На что Валерка живо откликнулся и сказал, что у них рядом с речкой живет классная девчонка, которая очень понравится Кате, и они с ней подружатся. И что она тоже будет с ними кататься на лодке. Ребята ждали согласия, и Катька, не ожидая от себя, согласилась.

Изменилось вокруг сразу все – они с Вовкой перестали ежедневно задиаться и ссориться, чаще были вместе, подружились с той новой девочкой, которую тоже звали Валя с чудной фамилией Буза, и которая практически вошла в жизнь Кати и Вовы, так как очень понравилась брату и стала подружкой Катьке. Они теперь по-настоящему дружили и проводили вместе почти целый день со своими новыми друзьями. Подумать только, еще вчера дрались, а уже сегодня ходили на танцы, задерживались на улице до ночи и с нетерпением ждали следующего дня, чтобы снова встретиться. Конечно же, между Валеркой и Катей, а также между Вовкой и Валею появилась настоящая симпатия. Они уже не были детьми и ощущали новые отношения с восторгом и застенчивостью. Оставаться наедине друг с другом они не могли, а может быть, еще не умели, поэтому гоняли ватагой все вместе, не бросая повзрослевшую соседскую Вальку и нового друга Алексея.

Оказывается, нет четкой грани между детством и юностью. И никто не приходит и не объявляет тебе с утра, что ты уже стал взрослым. И то, что тебе нравилось и привлекало вчера, сегодня уже не будет манить, а будет казаться глупостью. Что появятся совсем другие интересы, которые раньше казались стыдными и скучными. Что вот так всегда будет меняться не мир вокруг тебя, а твое восприятие и ощущение этого мира. И еще, что не надо к этому быть готовым – это произойдет все равно, совсем незаметно, но ты узнаешь сразу, так как никто быстрее тебя самого не осознает, как ты изменился.

Дни были чудесными. Теперь уже друзья, а не враги – им настолько было интересно вместе, и в голове не укладывалось то, что они могли делить между собой в течение стольких лет. Воспоминания были частыми, обе стороны обменивались впечатлениями друг о друге, хохотали до упаду, самое главное – не могли наговориться. Лето проносилось быстро, почти мгновенно. Катя и Володя перепрофилировали сбор бутылок устройством на работу в колхоз, опять таки не без помощи своей уважаемой бабушки Федоры. Работали ежедневно вместе со взрослыми, команда была веселой, работать было легко, хотя и непривычно. Пололи свеклу, сушили зерно на току, помогали на ферме. А потом, когда наступал вечер, они снова собира-

лись вместе и, взявшись за руки, гуляли по улицам, смотрели на созвездия и мечтали вслух о своей будущей жизни. Не хотели расставаться ни на минуту, часто задерживаясь до утра. А еще! Обещали никогда не терять друг друга, где бы они не были, и встречаться каждый год в их любимом селе, на их любимой Украине.

Первая Каткина зарплата, тридцать семь рублей (по тем временам деньги не малые для ребенка), была бережно отложена для мамы.

Как долго братом и сестрой будет вспоминаться это время, и останется на всю жизнь неугасаемая нежность и душевный трепет, когда снова и снова они в памяти обратятся к тем светлым, по-настоящему счастливым и безмятежным дням.

Вот и закончилось детство. Живые и дорогие воспоминания о любимой Украине. Многочисленная родня Кати и Володи их обожала и считала своими членами семьи. Сестра Федоры – Ульяна была для детей второй бабушкой, ее муж дед Сократ – дедушкой, тети – Лариса и Тамара, Люба самыми родными, а еще дядя Петя и Леночка, и Богдан, и Костя, и Вася. Нет, еще не все, но всех не перечислить. Катка и Вовка чувствовали себя с ними в своей семье. И еще долго, когда будут приезжать, останутся для них самыми близкими и долгожданными.

IX

Как ни любила Катка учебу, но в школу возвращаться желания не было. Оставалась тоска по Украине и друзьям. Трудно было перестраиваться на привычный нелюбимый жизненный лад.

Для Володи все было гораздо проще, он в школе учился на год младше, но уже был в почете и любим учениками за свой справедливый и смелый характер. Как и в каждой школе, были и у них дети, не уверенные в себе, слабые или с какими-либо отклонениями в развитии. Будучи крепким и сильным, Вовка для этих детей был неким Робин Гудом, который не только защищал их при нападении сверстников, но и предотвращал такого рода нападения, угрожая обидчикам тем, что для них это плохо кончится. А кто не верил сразу, в итоге удостоверивался на практике. Взрослея, а теперь имея еще и общих друзей, брат с сестрой стали общаться ближе, появились общие интересы.

Мамой уже было все предопределено. Володя знал, что будет поступать в военное училище после десяти классов, а вот с Каткой и ее мечтой учиться в медицинском институте было труднее. Мама переживала за свое здоровье, не хотела, чтобы дети остались без нее и без профессии. Если у Владимира при поступлении был «полный пансион», то с Катей обстояло все значительно хуже. Решение мама приняла самостоятельно и убедила дочь поступать сначала в медицинское училище, а потом, уже имея профессию, если Бог даст, то дальше, в институт. Екатерина внутренне сопротивлялась решению мамы. Ей очень не хотелось отдаляться от своей мечты стать врачом, вычерчивая в своей судьбе подобный зигзаг, но мама болела и ей нужна была помощь. А кто ей поможет, если не она – Катка?

Кате было 15 лет, когда она в 1980 году подала документы в местное медучилище г. Серого. Для страны этот год был годом Олимпиады, а для людей, живущих в СССР, – годом мытарств и препятствий со стороны правоохранительных органов в передвижении по стране. Чтобы откуда-то выехать и куда-нибудь приехать, в местности, приближенной к столице, необходимо было иметь при себе кучу разрешительных и оправдательных бумаг, объясняющих твое присутствие именно в этом месте. Причем количество и расписание поездов не изменилось, они катались по стране сами по себе с одним или двумя пассажирами на весь вагон. Советский человек в это время чувствовал себя абсолютно свободным и настолько, насколько ему в течение многих десятилетий было обещано. Катя тогда не понимала советской политики, она наслаждалась мнимой свободой, перемещаясь одна в вагоне в свой город Серый, который находился в трехстах километрах от Москвы, с готовностью предъявляя разрешительные бумажечки каждому дядечке, который о них спрашивал. Катка ехала поступать в училище, прервав свои долгожданные каникулы. Ей было грустно, так как она четко понимала, что детство

прошло и что больше уже никогда не повторится их последнее с друзьями лето. Катя никогда не хотела быть взрослой, этим она всегда вызывала смех у своих сверстников, которые спали и видели, как они будут жить отдельно от родителей, мечтая при этом, что смогут делать все, чего бы им ни захотелось. Катка никогда так не думала, ее мозг, а еще и мама с бабушкой часто напоминали о том, как именно ей с таким характером придется сложно во взрослой жизни, а она им свято верила.

Худенькая, в простом голубом платице, с большими синими глазами и пушистыми черными ресницами (даже не надо подкрашивать), с серьезным и внимательным взглядом и длинными, завитыми в локоны русыми волосами, Катка вошла в двери медучилища и наткнулась на чуть полноватую девочку с красивыми чертами лица и очень серьезным взглядом. Это была Оля Соловьева, которая в дальнейшем стала ее подругой. Они познакомились. Оказалось, что обе сдают экзамены на один курс, а потом еще и оказались в одной группе. Тесная дружба сложилась лишь к 3 курсу. Оля, с ее уравновешенностью и дружелюбным характером была полной противоположностью для постоянно взбудораженной Катки. Олина невыносимая тяга к справедливости и защите угнетенных и слабых восхищала Екатерину, и хотя та была постоянно в центре всеобщего внимания и почтения со стороны более беспокойных и задиристых сокурсниц, казалось, что тоже была одинокой со своим несломленным мировоззрением, не уставая защищать еще и Екатерину от нападков и издевок голосистых девах. Наблюдая за ее спокойствием и бесстрашием, Катя запасалась уверенностью, что годы, потраченные на учебу в училище, могут быть еще и полезными не только в приобретении навыков любимой профессии.

Но это была лишь тусклая надежда, которая не оправдалась почти сразу после поступления. «Вряд ли мне когда-нибудь придется пройти подобную школу жизни», – думала она уже на третьем курсе.

Но! Не тут – то было! Все «САМОЕ» ожидало впереди.

Экзамены пролетели быстро и незаметно. Катя сдавала экзамены всего лишь второй раз, но, как это ни парадоксально, ей очень понравилось. Только было странно смотреть на страх и переживания других учащихся. У некоторых отказывали нервы, и они рыдали в голос перед тем, как зайти в кабинет, кто-то заламывал себе руки, кто-то молился неизвестно кому (страна-то была атеистической). Для ее организма подобное состояние оказалось чуждым. Она не знала, надо ли радоваться этому или нет, но страха не испытывала абсолютно. Да, было некое присутствие адреналина в крови, но это больше походило на азарт, на состояние при большой скорости что ли, что аж дух захватывало. А от чего этот дух захватывало, даже точно сказать невозможно, может, от предвкушения радостной неизвестности, победы что ли. Она всегда готовилась и знала весь материал досконально, зная, что делает это только для себя, а не для преподавателя. А еще всегда было интересно, что же из изученного предмета она не знает? В этом – то и состоял ее азарт. В этом – то она и видела покорение своих вершин.

Для Катки учеба не составляла труда. Уже на первых занятиях она поняла, что не ошиблась с выбором пути – медицина была ее призванием. Много часов учебы находились в больнице, в поликлинике, работали с пациентами, общались с медперсоналом. Для Катки больница стала вторым домом, она жадно вникала в правила и организацию жизни в медучреждении, все понимала с лету. Что-то не нравилось, но она мало обращала на это внимания, так как в основном учеба доставляла истинное удовольствие, и усталости от занятий не чувствовалось абсолютно.

В группе Ф-11, куда ее определили учиться, находились только девочки. Это был фельдшерский курс, отсюда и «Ф», курс – 1, группа – 1. Была еще одна группа – Ф – 12. Вот и все, всего 60 человек, по 30 в каждой группе. Девчонки из Каткиной группы были больше из прилегающих к г. Серому деревень и таких же маленьких городков. Костяк определился сразу, он состоял из голосистых, не лезущих за словом в карман, умеющих защищать свои интересы

девах, которые тут же определили свое отношение к себе, заткнув рты тем, кто меньше владел словом и голосом. Катька в этот костяк не попадала. Ее положение в коллективе также усугубило то, что в стенах училища работала мама, и поэтому вся группа считала ее «стукачкой».

А самое непонятное для них было то, что она любила учиться и готовилась после училища поступать в институт. Они в сторону Катьки покрутили у виска и махнули на нее рукой, так как интересы она для них не представляла. Сразу повелось так, что Катька не имела слова голоса в этом коллективе и сама в этом была виновата. Она не стала доказывать свою точку зрения, а просто находилась всегда в сторонке, как бы пережидая время нахождения в училище для того дальнейшего, что было для нее более важным в жизни – стать врачом.

Но в свои пятнадцать лет Катька видела вокруг себя все же больше радости. Она познакомилась с девочками из Бордовой Горы, городка в 40 км от г. Серого. Лучшая подруга определилась сразу – по интересам, а также по своей жизненной уже взрослой позиции, от которой Катя была умом далека. Поэтому Галина ее притянула к себе уже в первые дни учебы. Они сидели за одной партой, и на общение было времени достаточно.

В выходные дни Галя приглашала ее к себе в гости, на что Катька соглашалась с большим удовольствием, так как подруга была единственной девушкой на всю деревню. Не имея опыта общения с ребятами (Валерка с Украины не в счет, встречались они вместе с компанией и никогда не оставались наедине), Катьке нравилось, как лихо Галка щелкала языком, ставя по местам своих многочисленных кавалеров. Те заглядывали ей в глаза, уважая и подчиняясь всему, что бы та ни сказала. Галя была неприступной девочкой и в то же время кокетливой. Зажатой и скованной Катьке нравилось поведение подруги с мальчишками, но в то же время она понимала, что у нее так не получится никогда. Галя для нее была даже неким пособием по обучению в общении с ребятами. Симпатичная Катька сразу понравилась местным мальчишкам и имела определенный успех, но Галя следила за каждым кавалером, с детства зная, кто на что из них способен, оберегая подругу от навязчивых ухаживаний. У них появилось много секретов, и девочки не скрывали их друг от друга.

Х

Учеба шла своим чередом. Пригодилось также умение танцевать. Все праздники и конкурсы не проходили без танцевальных номеров. У нее, уже наученной многим позициям, определился, прямо скажем, талант. Она сама ставила в то время модные современные танцы и сама же их показывала, вызывая затаенное восхищение у однокурсниц. Сшитые от профсоюза костюмы для выступлений были под ее строгим контролем, особенно два длинных атласных платья – черное и белое, с глубокими разрезами по бокам. В них она чувствовала себя балериной. На репетициях собирались преподаватели, которые в основном были врачи, и по их просьбе Катька показывала, на что она способна еще, кроме учебы. Педагоги знали о том, что Екатерина готовилась поступать в институт, но относились к этому по-разному. Кто-то был уверен в ее способностях, ну, а кто-то крутил носом, зная, что конкурс туда огромный и что девушка особым умом не блещет, да и денег откуда ей взять – безотцовщина, еле на зарплату и стипендию живут.

Мама определила сразу, как только Катька поступила в училище: если дочь захочет иметь карманные расходы, то она должна учиться на повышенную стипендию. В то время учащимся полагалось 20 рублей – обычная и 24 рубля 50 копеек – повышенная стипендия, и то только тем, кто получал хорошие и отличные оценки. Вот как раз эта разница в 4 р. 50 коп. и составляла чистый Катькин заработок, а остальное, без всякого сожаления – в семью. Но эта сумма для нее была достаточной: привыкшая довольствоваться малым, она позволяла себе растянуть эти деньги на месяц, да еще и ни в чем себе не отказывать. Шутка, конечно, но доля правды здесь есть.

Учителя сыграли в жизни Екатерины чуть ли не ключевую роль. Мама работала в медучилище заместителем директора по хозяйственной части, иначе – завхозом. Работала грамотно,

с отдачей. Все, начиная от коврика перед дверью и заканчивая дорогостоящими материальными ценностями, было под ее зорким контролем. Мама любила порядок. Не имея высшего образования, она умела быстро и правильно считать, что в то время удавалось далеко не каждому гражданину огромной страны, так как все было общее: то есть достоянием народа. А большинство выходцев из, так называемого, народа понимали эту фразу буквально, ну и, естественно, пользовались кто чем мог и кто где успел. Мама была коммунистом, а это звучало угрожающе для всех тех, кто коммунистами не был. Но, как и везде считается, что сапожник сапожнику рознь, так и в этой организации получилось, что и большевик большевику не всегда был другом и товарищем. Мама в КПСС вступила по убеждениям, уж очень ловко партийцы нарисовали программу в светлое будущее для каждого бедняка. Вот только не учли одно, что понятие о чести у всех разное; и в так называемую, самую честную и бесприкословно чистую партию потянулись люди, желающие пожить под прикрытием коммунистических лозунгов и призывов. И, представьте, сколько похотливого до «общего достояния государства» дерьма поползло в эту законоутверждающую и всегда во всем «правую» Коммунистическую Партию Советского Союза.

Так и в этой маленькой партийной организации все отношения между коммунистами складывались по обычной схеме – кто у власти, тот и прав. Только мать Кати не была согласна с такими правилами, так как твердо верила, что в их социалистической стране достается каждому по труду! А трудилась она много и никому не позволяла «базарить» народное добро, за что и снискала с одной стороны педагогического коллектива хвалу и уважение, а с другой – ненависть и презрение. Мама была человеком сильным, вторая сторона ее мало интересовала, и она всегда находила методы борьбы с их идеологией, вплоть до выступлений на общих городских собраниях членов коммунистической партии и обличения их при всем народе. И за это с ней старались лучше не связываться.

XI

Вот так и жили. Катька несла учебную вахту на своем медицинском поприще, ездила летом в популярные в восьмидесятые годы прошлого столетия строительные отряды или колхозы на уборку урожая, зарабатывая, таким образом, деньги и «весело» проживая студенческую жизнь. Бывали даже в Краснодарском крае, где всегда с радостью принимали новую рабочую силу. Воспоминаний потом хватало на весь год.

Да, а еще жизнь молодых девчонок медицинского училища разбавляли дискотеки в пригородной воинской части. Для Катьки это было скорее забавой, чем желанием познакомиться с молодым человеком, вернее солдатом. Серьезно об этих отношениях она никогда не задумывалась, в контакт входила тяжело и неохотно.

Худенькая, стройная, большеглазая, с красивыми тонкими чертами лица и пышными вьющимися русыми волосами ниже плеч, некокетливая и всегда замкнутая Катька привлекала внимание многих ребят с воинской части, но отношения продолжать не желала, никому ничего не обещала и даже не была влюблена. Умом понимала, что ребята попадались хорошие, с серьезными намерениями, но цели встречаться и строить в дальнейшем семью у нее не было. Она хотела только идти к своей мечте – быть врачом, а все остальное ей мешало. А может быть, судьба оберегала ее от преждевременных отношений, готовя к чему-то более большому и более нужному для нее?

Самым настойчивым из всех ребят оказался демобилизованный солдат Вадим. Он был художником, рисовал Катькины портретики и любыми путями – по почте или через ее однокурсниц – передавал ей письма и эти рисунки. Катьку трогало отношение молодого человека до глубины души, но она хотела, чтобы все было по-честному, по любви. А любви-то как раз с ее стороны и не проявлялось. Общительный и веселый Вадим не унывал. Он, находясь в воинской части, был при штабе. Художники в армии, как и везде, в почете, особенно они нужны заместителям командира по политической части, конечно же, для проведения агитационной работы

с солдатами, ну и еще может быть для других малярных работ в квартирах командирского состава. Служить надо красиво, а нужный солдат всегда имеет поблажки в службе. Так вот этому нужному человеку разрешалось проводить незапланированные танцевальные вечера с так называемым подшефным медучилищем. И для Катьки всегда было неожиданностью появление Вадима в стенах училища с очередной своей программой.

«Доброжелательные» однокурсницы на одном из собраний выбрали ее заведующей культурно-массовым сектором. В те годы так назывались комсомольские должности. Теперь ей приходилось встречаться с Вадимом чуть ли не каждую неделю, якобы по комсомольской работе. Сначала ей это не понравилось, а потом она смирилась. Не давая повода для дальнейшего развития отношений и держа себя строго и неприступно, она определила между ними невидимую, но ощутимую грань в их встречах, которая всегда давала понять молодому человеку то, что он ни на что не имеет права.

Внутренне Катька была довольна собой, ведь раньше она, решая свои проблемы кулаками, не замечала, что в ней, оказывается, присутствует такая не развитая сила, заставляющая человека держаться от нее на расстоянии. Да еще, при всем при этом, оставаться с ним в дружеских отношениях. Ощувив в себе такую особенность, она стала ее применять и на других людях, ловко обходя некоторые конфликты, но только некоторые, так как ей предстояло еще многому научиться, главное – отношениям с людьми, в которых она всегда чувствовала себя неуверенной, не умея вести себя в сложных неопределенных и «щекотливых» ситуациях.

Вадим явно не до конца был знаком с внутренним миром Екатерины и продолжал настойчиво привлекать ее внимание, заволакивая в свои «любовные проблемы» все большее количество людей. На Катьку стали «влиять» ее однокурсницы, но они как раз относились к «костяку» группы и не вызывали у нее уважения. И здесь их план с треском провалился.

Весной Катьке исполнилось 17 лет. Казалось бы, какие необыкновенные годы! Должна быть уже первая влюбленность, поцелуи, встречи при луне, а может, в худшем случае куча подруг с друзьями – ребятами, дискотеками, вечерами, песнями. Ничего подобного у нее не было. Конечно, тоска уже появлялась, так как она продолжала быть практически одна среди всех ее окружающих людей со своими особыми мыслями, идеями, убеждениями, при высказывании которых у «здравомыслящих» начинали широко раскрываться глаза, и они никак не могли понять: зачем семнадцатилетней девочке такое «планов громадьё».

Мама впервые позволила дочери в день ее рождения выпить шампанского. В семье дни рождения не отмечались. Подарки, конечно, дарились, в зависимости от наличия денег в кошельке, но никто не заморачивался приглашением гостей, накрытием праздничного стола и весельем, как это было принято в других семьях. На этот раз сделали для Катьки исключение и позвали великовозрастную, старше Екатерины на шесть или семь лет, соседку по коммунальной квартире Галку. С ней – то впервые они и оказались официальными, с разрешения мамы, собутыльницами.

Звонок в дверь также был неожиданным. На пороге в гражданской форме с букетом цветов стоял Вадим. Он демобилизовался и, чтобы не тратить время зря, сразу пришел сделать два важных для него дела – поздравить любимую девушку с днем рождения, а также сделать ей предложение руки и сердца.

Его предложение испугало и ошарашило Катьку, она не знала, как себя вести. «Что там обычно говорят девушки в подобных ситуациях?» – она настойчиво стала отрывать в мозгу фразы из ее любимых старых кинофильмов. «Но героини, как правило, все соглашаются. О, боже, за что мне это? Что ему сказать? Если откажу, как же ему будет стыдно и обидно! – влезла она в его шкуру. – А что еще остается в таких случаях? Соглашаться. Сдурела, что ли?» – Катька вспыхнула всем своим бордовым огнем, она не знала, как же отказать, чтобы не обидеть.

– Зачем тебе нужна жена-студентка? – выпалила она.

– Появятся дети, ты про свой институт мигом забудешь, – «утешил» ее Вадим.

А вот и ответ. Спасибо, Небо!

– Никогда! – твердо и уверенно отчеканила уже пришедшая в себя Катька.

Они расстались, он уехал к себе на родину, но ненадолго. Через пару месяцев Вадим вернулся назад уже со своим отцом, официально просить руки и сердца, но Катька была непреклонна. Все однокурсницы вздыхали о такой любви, одна из них даже побывала у него на родине. По его просьбе, без Катькиного разрешения, отвезла ему ее фотографию и долго потом рассказывала всем и «этой дурочке» о том, как Вадим талантлив и какой огромный, на всю стену, Катькин портрет он написал в своем доме.

Все дни и вечера были посвящены одному священному делу – учебе. Катька была не просто недотрогой, но еще и «прибабахнутой своей мечтой учиться дальше». «Вот если бы сразу встретился человек, которого бы я полюбила, – думала Катька. – Я бы смогла ему отдать все на свете, даже жизнь свою, если придется. И сделала бы его самым счастливым человеком, только бы он разрешил мне учиться и стать врачом. Но кто будет ждать шесть лет – никому это не нужно. Поэтому и мне никто не нужен».

XII

Он ворвался в ее жизнь стремительно. Открылась дверь, и в класс на их первое занятие по психиатрии влетел «герой-любownik» многих советских фильмов – рослый, мускулистый, с огненным взором и мужественным лицом. Она мельком от кого-то уже слышала о талантливом главном враче психиатрической клиники, о том, что многие женщины их города были в него влюблены, о том, что он был женат и что его жена, врач-невропатолог, у многих вызывала даже раздражение – якобы она ему не пара и такой «красавец» не для нее. Но эти разговоры были для Катьки не интересны, и она не придавала им никакого значения.

Виктор Васильевич Бурков – так звали их преподавателя по новому предмету психиатрии имел в свои 34 года не только высшее медицинское образование, но и увлечение тяжелой атлетикой с многочисленными медалями и кубками за победы и достижения. Накаченные мышцы всего тела, стремительные движения, серьезные глаза, а также квадратный подбородок с брутальной ямочкой посередине подтверждали напористый характер и уверенность в своей неотразимости. Первое занятие он начал необычно.... с анекдотов. Анекдоты были в своем большинстве пошлые и неприличные.

Тридцать девчонок третьего курса, не отрываясь, смотрели на него в упор, умирая со смеха, закатывая глаза и быстро переходя в состояние эйфории. Только одна Катя сидела, опустив голову вниз, вся бардовая от стыда, что слышит всю эту гадость и ничего не может сделать. Не помня себя и не спрашивая разрешения, она встала и выбежала из класса. Ей было все равно, что о ней подумают ее однокурсницы, все равно, как отнесется к ней на следующем занятии этот горе-педагог – она не хотела и не могла принимать участия в этом параде пошлых анекдотов. Тридцать ядреных девок не унимались в течение всего дня, вспоминая с наслаждением предыдущий урок, и уже практически все до одной были влюблены в этого «секс-символа».

– Ну ты и дура, Катька! Еще умом не вышла. Тебе бы в куклы играть, – говорили некоторые из группы. А остальные, привыкшие к ее чудачествам, даже не обратили на это внимания.

На следующее занятие Виктор Васильевич явился небритым, небрежно одетым, уставшим и очень расстроенным. Вся группа опять застыла в ожидании чего-то необычного. Кто-то из самых смелых и раскрепощенных пару раз вякнул по поводу анекдотов, но не тут-то было! Он заставил открыть всех учебники, и пошел разговор о психиатрии. Катька не поднимала глаз в его сторону, тщательно записывая каждое сказанное им слово, вникая в тему и удивляясь охватившему ее интересу. Она успевала заглядывать в книжные страницы и не находила там выданной им информации! В учебнике было написано сухо и непонятно, а то, как рассказывал Виктор Васильевич, ее увлекало все больше и больше. Двухчасовое занятие пролетело неза-

метно. Звонок, все встали. Катя не поднимала глаз. Все разочарованно выдохнули, и опять начались девичьи разговоры о том, как обаять и как вернуть его расположение. Дома Екатерина вновь открыла тетрадь по психиатрии и еще раз для себя поняла, что от медицины ей никуда не деться – это ее призвание. В течение недели в расписание поставили два занятия Буркова. Свой следующий урок Виктор Васильевич начал с опроса по заданной теме.

– Книги закрыть, конспекты открыть и принимать участие в разговоре на заданную тему, – рявкнул он. И таким тоном не вызвал ни у кого сомнения в том, что все они должны сделать.

Вызванные к доске девчонки отвечали выученные темы в учебнике, но по каждой из них задавалось такое количество вопросов, на которые не было в книжках ответов, что все тут же засуетились после нескольких полученных двоек. Тревога и переполох прокатились по классу. Преподаватель негодовал, девчонки дрожали. От прежнего красавца не осталось и следа. Перед ними сидел разъяренный могучий бык и громовым голосом озвучивал двойки и колы всем опрашиваемым. Единственный конспект предыдущего занятия раскрытым лежал у Катки на столе, сердце ее ликовало – все до единого ответы были записаны ею на прошлом занятии. Но попытки подсказать однокурсницам оказывались неудачными.

– Ну, кто-нибудь знает ответ хотя бы на один вопрос? – раздосадованно и устало прорычал Бурков.

Все посмотрели на Катку – надо спасать положение. И она подняла руку. Она смело смотрела ему прямо в глаза, отвечая четко на поставленные вопросы, ничего лишнего, без эмоций, без ужимок и лишних слов. Он оглядывал ее восторженно и задумчиво, смягчаясь и меняя рычание на более нежный и вкрадчивый тон.

Одна – единственная пятерка за весь урок! Но радости у Катки почему-то не было. В последующий час все тяжело дышали, стараясь успеть записать за преподавателем, но он словно играл с ними, ускоряя и ускоряя темп донесения научной информации. Многие не выдерживали скорости, бросали ручки и откидывались на спинки стула. Катка вошла в азарт и успела опять записать все от начала до конца.

Она стала блистать знаниями на каждом занятии по психиатрии, не забывая при этом делиться со всеми желающими, а если еще и повезет, то подсказать на уроке.

– Опять только Бондарь знает? – багровел «секс-символ» на следующем занятии, опросив уже нескольких человек. – Ну скажи им всем, раз они с первого раза не запоминают.

«Всезнающая» Катка охотно вставала и отвечала даже на самые сложные вопросы. Началась практика, всей группой девчонки ходили в психиатрическую больницу. Бурков сам им показывал и рассказывал про пациентов, про работу больницы. Катю он выделял среди всех учащихся. Он уже от кого-то узнал о ее желании учиться в институте и всячески поощрял это похвалами в ее адрес. Для Катки такое отношение было непривычно. Многие преподаватели знали об этом ее желании, но были сдержанны в своих предположениях. Она заметила, что Бурков не только стал часто ее хвалить, но и как будто невзначай при всех брал ее за руку и обнимал сзади за плечи. Ее это смущало, и она отходила от него в угол. Девчонки завистливо косились в ее сторону, но никто здесь не мог сказать ей обидное слово, потому что Бурков тут же вставал на ее защиту и жестко высмеивал обидчицу, доводя остальных до хохота. А для Кати это еще больше было непонятно.

Небрежный раньше Виктор Васильевич стал приходить на занятия подтянутым, выбритым, в модной и дорогой одежде – в той, которую никогда не купишь в магазинах, потому что это был ДЕФИЦИТ. И советские люди точно знали, что на ком одето по блату, а что из магазинов. Вся группа вздыхала по нему и восхищалась его «мужским началом». Далее как-

то Катька стала замечать Буркова беседующим с ее мамой, которая очаровательно смеялась, заглядывая ему в глаза.

А однажды вечером раздался звонок в их коммунальную квартиру! На пороге стоял, благоухающий дорогим парфюмом, сам «секс-символ». У Кати внутри все ахнуло. Мама торопливо, чтобы не видели соседи, завела его в их комнаты. Но куда там! Соседи уже через минуту знали о визите такой городской величины почему-то в семью брошенной с детьми женщины, да еще и старше его лет на пятнадцать. Из соседней комнаты Катька слышала разговор о лечении мамы, о каких-то нужных для нее лекарствах. Мама рассказывала ему о своих болезнях, о судьбе, которую Катька уже выучила наизусть, так как часто слышала хронику маминой жизни. В перерывах они звали ее к себе, но она так и не вышла до тех пор, пока не ушел преподаватель.

Мама начала издалека. Как трудно, мол, жить без поддержки. Неплохо было бы Катерине задуматься о личной жизни, что институт никуда не убежит и что бывают на свете этикие «сверхмужчины», которые и содержать смогут жену, и выучить. Екатерина, по своей «жирафьей натуре», пропускала эти слова без эмоций мимо ушей, но все же попыталась узнать у мамы, зачем он приходил. Мама расплывчато сказала, что Катя ему очень нравится, он хочет поближе познакомиться с ее семьей и помочь поступить ей в институт.

– «Что значит нравится..? Как это понимать...? – думала она. – У него есть жена, и Катька ее очень уважала. Мама тоже была в курсе. Тогда опять непонятно зачем нужны его посещения и к чему они приведут? Это ведь, в конце концов, неприлично! Неужели эти взрослые не понимают? И, наверняка, жене его все это не может нравиться. Замкнутый круг какой-то! – размышляла Екатерина. Маме она уже явно сказала, что никаких отношений с Бурковым не допустит. Радовало то, что ее никто не трогал, и если что-то и решалось, то на уровне самой мамы, которая, как была уверена Катя, зла ей не желает и поможет выбраться из этой ситуации».

Виктор Васильевич оказался очень настойчивым и целеустремленным, сумел войти в доверие ко всей семье, подружился со старшим братом, дарил подарки, читал стихи, был обаятелен во всех отношениях. Только Катька была непреклонна. Чем дальше развивались события, тем больше она закрепощалась и отодвигалась от него.

Их маленький город гудел слухами, бурлил ненавистью к «безмозглой нищей девчонке», которая хотела разлучить семью. В таких городках ничего нельзя было утаить. Событие такого рода развивалось как многосерийный фильм, в котором хотели принимать участие все жители. Началась практика перед государственными экзаменами. Катьке приходилось работать в больнице, где Бурков неотступно следовал за нею из кабинета в кабинет, привлекая внимание к себе всего коллектива, завораживая женщин своим могучим торсом и обаянием. После каждого его визита медсестры и женщины-врачи, издавая вздохи, восхищались им и шепотом ненавидели Катьку. Жизнь превратилась в кошмар. Недобрые взгляды, презрительные усмешки, язвительные слова в ее адрес она сносила молча, выполняя свою работу и стараясь спрятаться от обольстителя в других кабинетах, но это не помогало. Домой Катька возвращалась выжатая как лимон.

– Мама, я не хочу больше ходить на практику. Я не хочу встречаться с этими злыми людьми. Они ненавидят и унижают меня. Помоги мне уехать в другое место, хоть в деревню, мне там будет лучше! Он мне не нужен, он мне противен! – рыдала Катька.

– Что ты из себя представляешь? Ты ничего еще не добила в жизни, – слышала она в ответ. – Ты ничто, запомни. Козывка! Еще рассуждать о людях берешься, – чеканила мать.

Катя через слезы смотрела на свою когда-то маму-подругу и не верила в происходящее. Что она говорит? Это не могут быть мамины слова! Зачем так жестоко?

– Мама, они сегодня заставили меня стоять в раздевалке принимать пальто у пациентов, и все смеялись надо мной. Я фельдшер или кто? Они уничтожают меня, я не хочу никого видеть!

Я не стала этого делать и ушла совсем. Я же не мертвая, мама, я все вижу, во мне убивают личность!

– Да ты понимаешь, что ты творишь? Ты подчиненный человек и будешь делать то, что тебе будут говорить. Какая ты личность? Дерьмо ты собачье, вот кто ты. Личность она! Видели вы эту личность, которая ничего не умеет, но уже выбирает, что будет делать, а что нет. Завтра пойдешь назад, извинишься за свою дурь и работай там, где поставят.

– Но почему они меня все ненавидят? За что? Я ведь ни в чем не виновата, – продолжала рыдать Катя. – Я его не хочу видеть. Я ничего от него не хочу. Зачем я ему?

– Другая бы радовалась! А эта принцессу из себя корчит, – шипела мать. – У него серьезные намерения. Жениться он на тебе хочет, а ты все хвостом вертишь! Такие женихи на дороге не валяются!

– Мне он не нужен. У него есть жена....

– Да, он уже всем объявил. Честно сказал, что разводится, и вы женитесь. Дура ты, безмозглая!

– А как же я? Почему без меня все решили? – задыхнулась Екатерина. – Мама, я думала ты со мной, а ты....

Она вышла из комнаты и прислонилась к стене.

«Нет, я никуда больше не пойду», – решила Катька. И не пошла.

На помощь пришел Игорь, старший брат. Только одним мужчинам известен тот способ договора между собой, если причиной его является женщина. Но «жених» как-то быстро пропал. От брата она узнала, что Бурков, оказывается, сам разносил слухи о том, что Катька уже с ним живет и скоро станет официальной женой, что вызвало гнев даже у маменьки.

ХIII

До государственных экзаменов оставалась неделя. Визиты Виктора Васильевича в дом прекратились, как оказалось вскоре, ненадолго. Зато Катька была полностью поглощена процессом завершения учебы и мечтами о желанном отъезде из городка Серого. Она не была круглой отличницей, но знала, что шла на красный диплом. Экзамены для нее были не сложные – терапия, хирургия, детские болезни. Екатерина была уверена в себе и шла получать диплом о среднем медицинском образовании с радостью и надеждой, что, наконец-то, все закончится – уже через несколько месяцев она поступит в медицинский институт. Она обязательно поступит, ведь по-другому быть не может. И уедет из этого злого города, подальше от Буркова.

Дрожь, волнение, суета, слезы, закатывание глаз перед входом в экзаменационный класс – все это, глядя на однокурсниц, у Катьки вызывало раздражение. «Разве это испытание?» – думала она, чувствуя какую-то неподдельную радость, выплеск адреналина и желание быстрее попасть в кабинет. Первый экзамен – терапия. Ей подготовки не надо. Она взяла билет, прочитала его, улыбнулась, быстро набросала план ответа и уже через три минуты была готова отвечать.

– У Бондарь какая оценка? Да кто бы сомневался, «отлично», конечно же, – ответила на вопрос секретарь экзаменационной комиссии. И, даже не дожидаясь окончания экзаменов, довольная успехом Катька мчалась домой. На улице была ранняя весна. Она любила это время года. Но сейчас ей было все равно – весна пройдет, наступит лето, лето 1984 года. Какой переломный год у нее – куча экзаменов и перемены в жизни. Катька даже зажмурилась от удовольствия.

Второй экзамен, по хирургии, наводил не меньший ужас на выпускников училища, но только не на Катьку. Она в душе всегда мечтала быть хирургом, чувствовала тягу именно к этой серьезной специальности. На экзамен шла, как в фильме про Шурика – как на праздник. Три вопроса! Как всегда, она знала их от начала до конца.

В кабинет заглянул директор училища, по совместительству хирург, вернее горе-хирург. Оперировать как-то не сложилось, работал «потихоньку» в больнице, в кабинете, где хранилась

кровь для переливания. Невысокого роста, кругленький, с повышенной массой тела, розовыми щечками и улыбающимся ртом, больше похож на Колобка из одноименной сказки. Профессии директора медучилища он явно отдавал предпочтение. Ему нравилось отдыхать у себя в директорском кабинете, вести разговоры с «удобными» ему людьми, теми, кто легко заменяет свои обязанности на чаепитие и пустую болтовню в течение рабочего дня. У него было два работоспособных заместителя: первая – по учебной части, которая занималась всем учебным процессом в стенах училища, и вторая – по хозяйственной части, а попросту завхоз, коей была незабвенная Валентина Викторовна – маменька целеустремленной Катьки. С двумя своими заместителями он периодически конфликтовал, так как на душевные беседы с руководителем у них никогда не хватало времени, а все остальное свободное время на работе съедала сама работа. Поэтому закулисные беседы до них доходили в самую последнюю очередь и любые эмоции уже были запоздалые. Так вышло и на этот раз.

Вошедший в экзаменационный класс директор не вызвал у Катьки никакого опасения, вид его забавлял и оживлял экзамен. Он сел за стол экзаменаторов и стал принимать активное участие в приеме хирургической информации у вспотевших от ответственности выпускников. А вот и Катина очередь. Быстро подошла к столу, села перед комиссией и смело посмотрела на всех врачей и присутствующих представителей из администрации города. Четко, как из пулемета, чеканила ответы на все вопросы в билете, делая паузы только на переход к новой теме и на ожидание дополнительных вопросов. Дополнительных вопросов не было. Экзаменационная комиссия с восторгом смотрела на Катьку, кивая головами, и одобрительно шепотом переговариваясь друг с другом. Ответ был закончен. Счастливая Катька смотрела на экзаменаторов с улыбкой. Преподаватель по хирургии начал говорить о ее способностях, его высказывание прервал вопрос директора училища:

– А скажите нам, Бондарь, как вы можете выписать эфир на рецепте?

Катька взяла рецептурный бланк и выписала рецепт на 200,0 мл.

– А вот и неправильно. Эфир выписывается в дозе 400,0 мл. Что вы на это скажете?

– Да, эфир может находиться в двух дозировках: по 200,0 и по 400,0 мл, – недоуменно ответила Катька.

– Но такого количества явно не хватит для операции!

– Так ведь у нас не стоял вопрос о количестве препарата на операцию, – улыбнулась она.

– Нет, это ошибка, и одна из серьезных ошибок, – проямлил Николай Васильевич, медленно поднимаясь и направляясь к выходу. – Здесь только четыре балла, – через плечо крикнул он и вышел из кабинета.

Комиссия замерла, все смотрели на хирургов, присутствующих на экзамене. Катька почему-то не восприняла всерьез окрик директора. Ведь это такой пустяк, а еще и глупость, и ведь не смогут они испортить оценку! Девочка доверчиво смотрела на экзаменаторов. Они попросили выйти ее из класса. Катька почувствовала, как ее быстро засунули в печь, и сразу стало невыносимо жарко, тяжело дышать, глаза ничего не видели. Вся красная и ошеломленная, она вышла в коридор. Там набросились с вопросами однокурсницы, но она ничего не могла им ответить. В голове сковала мозг и тяжестью легла мысль о том, что не может быть такой наглой несправедливости. За что они могут снизить ей оценку? За то, что она не угадала любимую у директора дозировку эфира? И кто бы мог знать, если бы она, сказав другую, не получила бы то же самое. Где логика? Зачем ему нужно это было делать?

Видя неуравновешенное состояние подруги, Галка схватила ее за плечи, уговаривая, чтобы та выбросила все из головы, потащила ее силой от дверей класса на верхние этажи в общежитие. Втащила ее в свою комнату, посадила за стол и быстро налила ей чая. В комнату стали заходить девчонки, находившиеся на экзамене вместе с Катькой, и, перебивая друг друга, рассказывали о конфликте между экзаменаторами по поводу происшедшего события. Катька силилась, но никак не могла настроить себя на восприятие, она ощущала себя придавленной

тяжелой плитой и изо всех сил сейчас старалась, чтобы эта плита ее не раздавила. В комнату вбежала мама, Катька не верила своим глазам. Зачем здесь мама?

– Ты понимаешь, что они поставили тебе четыре балла? Что ты могла там не ответить, дурная ты такая? Ты понимаешь, что красного диплома у тебя уже нет? Девчонки потихоньку удалялись из комнаты.

– И у тебя нет и не будет в этом году разрешения поступать в институт, – продолжала маменька, – а вот когда ты отработаешь три года государству, только тогда ты сможешь идти в институт, но сдавать уже будешь четыре экзамена со своим восьмилетним образованием. Понимаешь, что теперь произошло? Идиотка ты или нет?

– Мама, пожалуйста, оставь меня. Не нужно ничего. Давай все дома, не здесь. Я не верю, что они могут так сделать.

– Да, они уже сделали! Ты дура, что ли?

Катька спустилась вниз, к экзаменационному классу, где уже оглашались оценки за государственный экзамен по хирургии.

– Бондарь Екатерина – четыре балла, – услышала она и почувствовала, как упавшая с нее плита превратила ее в пустоту. Пустота была везде – в ней самой, вокруг нее, и было очень-очень легко, как в невесомости. В этой вот невесомости Катька и пребывала до конца дня, ни единой мысли, ни одного решения, никого не слыша и не видя.

Мама вернулась с работы к вечеру, обняла дочь и заплакала.

– Не вини себя, ты ни в чем не виновата. Видишь ли, дочка, жизнь может приносить удары и посильней. Ты уже знаешь, что такое подлость, теперь ты будешь знать, что такое сверхподлость. Я не буду от тебя ничего скрывать, ты должна знать все и будешь уже поступать дальше, как считаешь нужным.

Катька недоверчиво посмотрела на мать, что же еще сегодня можно услышать более шокирующего, чем то, что было.

– Наш директор, Николай Васильевич, недаром посетил экзамен. Ты ведь, наверное, заметила, что он присутствовал только при твоём ответе, а потом ушел и не возвратился.

Катька даже не подумала, почему именно ее персона могла заинтересовать его.

– Мам, я могу предположить, что через меня он решает ваши с ним конфликты. Но это настолько недостойно взрослого человека, что я даже развивать эту мысль не хочу.

– Нет, дочка, здесь все намного «веселее», чем кажется на самом деле. Тебе знакома наша новая библиотекарь Алина Павловна?

– Мам, она-то тут при чем, не смейся, – улыбнулась Катька и вспомнила несуразную толстую словоохотливую женщину, которая со всеми была в хороших отношениях, доброжелательно встречала выпускниц в библиотеке, называя их своими будущими лечащими врачами.

– При чем, может, и не при чем, но она сейчас лучшая подруга и доверительное лицо нашего директора. И за бесконечными чашками чая в течение дня они, так сказать, обсуждают проблемы училища. И как бы это ни смешно было слушать, библиотекарь у нас сейчас главный советчик в хозяйственных и учебных делах училища.

– Ну, а моя проблема тут при чем? – Катька решила закончить разговор, чувствуя, что речь не о ней.

– Не торопи меня. Недавно перед государственными экзаменами у них состоялся спор. Они говорили о тебе. О том, как ты стремишься учиться дальше, и что у тебя из этого выйдет. Директор говорил, что ничего у тебя не получится: даже если ты поступишь, то денег на питание и жилье у нас все равно нет, и долго на голодном пайке ты не протянешь. На что Алина Павловна ему отвечала, что ты сможешь найти работу, а там целеустремленность и ум свое возьмут – ведь девочка, то есть ты, не зря идет на красный диплом. Николай Васильевич начал спорить о твоих умственных способностях, говоря, что особо блистать нечем, ум этот заурядный, и сотни таких же, как ты, могут учиться дальше. Ну, а если она такая целеустремленная,

сказал наш директор, то почему бы ей не попробовать поступить без красного диплома. На что Алина Павловна расхохоталась и сказала, что поезд ушел, у тебя по всем предметам «отлично», и сделать уже ничего невозможно. На что директор рассердился и сказал, что пока он директор училища и только ему решать, кому выпускаться с красным дипломом. И ничего-то у вас не получится, отвечала ему библиотекарь, я готова спорить на что угодно, что у Бондарь будет красный диплом, тем более вы не захотите лишнего конфликта с Валентиной Викторовной. И они, дочка, поспорили. И теперь ты знаешь, кто выиграл этот спор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.